
Мон Ре Ми
Наследница Тёмного мага
Книга 3
Исцеление Тьмой
18+

Мон Ре Ми

Наследница тёмного мага. Исцеление тьмой

«Автор»
2026

Ре Ми М.

Наследница тёмного мага. Исцеление тьмой / М. Ре Ми — «Автор», 2026

Судьба вновь ставит Мусони перед сложным выбором. Со всех сторон на нее накидывают тяжелые цепи из долга и ожиданий.На кону всё: любовь, жизнь, магия. Тени расползаются по Оремидору.Мир магии расколот и на грани уничтожения. Сильванимы желают расплаты. Так есть ли шанс получить все и сразу? Или единственный путь предопределен высшими силами и противостоять им не способен никто?

© Ре Ми М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пробуждение тьмы. 5
Глава 2. Зафрит. Ахвинахви и батибат. 12
Глава 3. Обитель спокойствия. Семя горемышника. 19
Глава 4. Окрестности Санкт-Сангвии. Голоса, что твердят пророчества. 26
Глава 5. Зафрит. Дворец как дом или клетка. 35
Глава 6. Окрестности Санкт-Сангвии. Ложная судьба. 48
Глава 7. Гарда рядом, гарда в тебе. 55
Глава 8. Соулград. Люсторан. 63
Глава 9. Пешки в крупной партии. Лорд Обелиск. 65
Глава 10. Солнечный город Соулград. 71
Глава 11. Зафрит. Связь, о которой невозможно молчать. 79
Конец ознакомительного фрагмента. 81

Мон Ре Ми
Наследница тёмного мага. Исцеление тьмой

Глава 1. Пробуждение тьмы.

Холод протекал под кожей, там, где несколько минут назад разразился пожар. Жгучая, неукротимая энергия эфира, что переполняла и лишала зрения, сошла на нет. Крики и шум разрушений постепенно нарастали, заполняя тишину.

Мусони вскинула лицо к небу, что едва подалось перистыми облаками, и тем не менее, в лучших приметах Оремидора, пошёл лёгкий снег. За пеленой злости и подготовки к ненавистной свадьбе, Мусони забыла, какой сегодня день. А ведь праздник, что отмечают ежегодно в первый день весны, по масштабу не уступает Дамилалусу. Долгожданный, «День клятвы сердец», и добрая примета, если на свадьбу в этот день с утра будет солнце, а после обеда – снег. Прямо как сейчас.

Непроизвольно голова повернулась влево, на огромный валун, под которым покоилось тело Обелиска. Кажется, примета не работает. Во всяком случае, Обелиску эта свадьба счастья не принесла. А перед ней, сидящей на холодной площади среди мёртвых гостей, лежит Оскар. Еще никогда он не выглядел так плохо, а сестра, едва появившись, предала их. Что делать Мусони не представляла, кого позвать на помощь тоже.

—

Рексана забрала медальон? — его голос слаб, но цвет лица как будто становился всё более живым.

—

Да… — по щекам текли горячие слёзы, от мысли, что он может погибнуть.

Что, если это его последние слова? Мусони била крупная дрожь, усиливаясь с каждой секундой. Однако, Оскар выдохнул и натянуто улыбнулся.

—

Хорошо, теперь начинается самое интересное.

В ответ Мусони всхлипнула, всё сильнее приходя в себя после неконтролируемого выброса эфира. Она старалась не смотреть по сторонам, но крики и стоны мешали. Ветер доносил запах крови и пыли от разрушения небоскрёбов, которые продолжали с грохотом обваливаться. Все произошло по её вине… бесчисленные смерти от её рук…

Оскар прижал рукой бок и попытался сесть. Не раздумывая, Мусони помогла ему, придерживая спину, но из горла парня вырвался хриплый стон, и он лёг обратно.

—

Нет, немного рановато, — он встретился взглядом с Мусони и добавил. — Мне нужно время. Элурантропия не работала из-за монумента, и я не мог восстановить раны… Всё хорошо, правда. Ты молодец, что разрушила это творение… Оно угнетало магию.

Пытаясь проглотить ком, что встал в горле, Мусони нервно осмотрелась. Похвала незаслужена, ведь сотворённое ею гораздо хуже монумента.

—

Нет…ты не видишь… не только монумент… Здесь десятки погибших, Оскар, — пальцы холодели, а спина напряглась от осознания. — Я погубила их…я… и моя магия…

Оскар стал серьёзен, рассматривая лицо девушки, будто оценивая её раскаяние. Верно. Она приняла силу медальона, перед ним Наследница тёмного мага, хозяйка проклятого амулета. Он закрыл глаза и задумался. Та, за кем охотятся король и королева. Та, возле которой

копится ворох из тайн и древних пророчеств. И наконец та, чья магия сложна и ломает каноны. Последнее больше всего интересовало Оскара.

Он всё ещё решал, насколько безопасно привести её королю, а также помнил, что сам сбежал из Шадур, но обещал вернуться. Мусони может стать весомым аргументом для восстановления репутации, а может утопить их обоих.

О мыслях, что кружат за сомкнутыми веками Оскара, Мусони могла лишь гадать. Вслед за потерей медальона и пришедшим холодом, она желала ощутить тепло и безопасность. Она всегда чувствовала безопасность рядом с Оскаром, но, к своему сожалению, не сегодня. Внутри всё леденело и превращалось в глыбу льда. Только пальцы болезненно жгло в местах, где медальон оставил отпечатки. Отныне у него другая хозяйка. Она отдала его. Добровольно и без сожалений.

Наверное.

Беспредел, что творился в голове и чувствах, не давали мыслить здраво. Несмотря на то, что всё происходящее веяло кошмаром, желание пробудиться отсутствовало. Остаться в кошмаре и не возвращаться к реальности её заставляла ладонь Оскара, ледяная и твердая, и она лишь крепче сжимает её, боясь проснуться одной.

—

Вот и весна. Дыши полной грудью, солнце моё,

— раздался добрый, родной голос Добрины, и Мусони, округлив глаза, вскинула голову.

Бабушка стояла, окружённая лёгким свечением в нескольких шагах перед ней, и, улыбаясь, стягивала с головы платок с пёстрыми цветами.

—

Где бы ты не была, весна прекрасна по-своему, а за ним тебя ждёт жаркое лето,

— снег ложился на кудряшки, будто Добрина и правда здесь, а Мусони не могла дышать, боясь, что спугнёт иллюзию как тогда. —

Летом встретимся снова. И будем вместе. Ничего не бойся, милая. Твоя судьба в твоих руках.

Она развеялась, растворилась по ветру, словно картина, нарисованная в воздухе акварелью. Слёзы Мусони высохли, а недостаток кислорода наконец заставил дышать. Видение бабушки так схоже с тем, в обители спокойствия, но так различны. И чем вызвано на этот раз, совершенно непонятно.

Её немигающий взгляд заметил движение.

Ровным размеренным шагом в их сторону шли трое — их одежда скрыта широкими светлыми накидками, а лица открыты и суровы. Они смотрели в упор, давая понять, что пришли под её душу. Взгляд одного скользнул по обломкам, и стал еще сердитей, другой, идущий по центру, ухмыльнулся, заметив Оскара.

—

Мусони Ассель, наследница Отваха Тарэй, — он говорил уверенно и чётко, а в чёрных глазах только лёд. — Вы проследуете за нами, в королевство Соулград, и предстанете перед Королевой Велиной.

Превозмогая слабость и практически не хмурясь от боли, Оскар мгновенно сел. Значки на накидках в форме солнечного затмения, белые плащи — особый отдел Велины, чьи руки по локоть в крови, а репутация никак не вяжется с белым цветом.

—

Она никуда с вами не пойдёт, — отрезал он. — Наследница на попечительстве короля Люсторана. Тарэй, что обладает медальоном, у вас уже есть. Мусони Ассель призвана Хранителем Ведаром. Надеюсь, вам не нужно напоминать о наказании, для тех, кто идёт против их воли?

Голос Оскара резок, но не оттеняет дерзостью. Как всегда, он сохраняет ледяную невозмутимость. В ответ лицо мужчины растянулось в довольной улыбке, а рука проворно сотворила заклинание. Оскар не смог отразить его или блокировать — три дня на воде и хлебе с опустошённой магией оставили следы. Восстановление шло медленно.

—

Оскар Эрдол, вам королева особенно рада. Для вас уготовано нечто… ммм… грандиозное. Добро пожаловать на борт.

Пальцы мужчины сотворили лёгкий жест в сторону Мусони, сознание окутала плотная удушающая тьма.

—

Мусони Ассель, —

чей-то голос гремел во все стороны.

Тяжелые веки не поддавались, будто лишились возможности размыкаться, склеенные самым прочным клеем. Тело не слушалось и находилось в состоянии воздушной невесомости. Губы, подобно векам, плотно сомкнуты, а ватный язык придавлен к нёбу.

—

Выслушай меня. Ты лишилась медальона, но он остаётся верен тебе. Его магия будет служить тебе. И ты всегда сможешь забрать его назад. Пусть даже силой. Стоит только захотеть, и Слеза дракона снова будет твоей…

Мужской голос без эмоций звучал эхом. Звучал со всех сторон, лишая чувства пространства. Мусони хотела спросить, кто говорит, но не могла. Лишенная всех чувств, кроме слуха, не понимая, кто рядом с ней, только и оставалось, что слушать. А ещё надеяться на доброжелательность говорящего. От его тембра по коже шли мурашки.

Но внезапно всё обрушилось и стихло.

Она очнулась на деревянном полу, в слабоосвещенном помещении, напротив, прислонившись спиной к стене, сидел в расслабленной позе Оскар. Чувства вернулись, голос казался не более, чем плодом фантазии.

—

Добро пожаловать на борт, — он хмуро повторил последние слова мужчины, заметив, как Мусони осматривается. — Мы на воздушном судне. На приличной высоте и по моим расчетам, на полпути в Соулград.

Поднявшись на ноги, Мусони почувствовала слабое покачивание. Она никогда не была на корабле, не летала на самолёте, не считая заколдованный Роллс Ройс Тома, но ощутила движение. Снаружи раздавался гул, как при сильнейшем ветре.

Вокруг ничего, кроме нескольких ящиков и парочки сундуков. Оскар близко, но недостаточно. Ей хотелось сесть рядом, но стоило сделать шаг вперёд, как он взмахнул рукой:

—

Оставайся на месте, ты заперта. И я тоже. — возле ног тут же просиял тонкий голубоватый ореол, и прозрачная, слабо мерцающая материя взвилась до потолка. — Так выглядят клетки для пленных. Если не пытаться выйти, ничего не произойдёт, но попытка намеренно покинуть их черевата болью.

Шурша подолами свадебного платья, Мусони села на пол, отзеркалив позу Оскара. Он жив. Судя по цвету лица почти восстановился.

Он жив, и он рядом.

Как прежде холоден, а может, несколько больше, чем прежде. Потрясение от содеянного и неверие в свободу от лорда лишало рассудка. Хотя, сидя в клетке для пленных, свобода ощущается слабо. Вероятно, королева таким образом показала свои намерения. Приходя в себя и анализируя, возникали вопросы, но задавать их совсем не хотелось. Молчание затягивалось, к облегчению, Оскар начал первый:

—

Получается, ты совладала с медальоном, а значит, стала мастером в зельеварении.

—

Да, Дубнрав сказал… — последние слова старика отзывались гулким эхом и раздражали. — …что я его лучший ученик.

Оскар хмыкнул.

—

Эти месяцы нельзя назвать простыми, верно? Ты через многое прошла. Стать мастером в такой короткий срок – настоящее чудо.

—

Скорее проклятие, — тихо ответила Мусони, в горле опять образовался ком. — Если бы не медальон, я бы никогда… Оскар, я же убила их… Магия не друг, она ужасна… Столько разрушения…столько смерти!

В голове всё ещё разносились крики и грохот… Мусони искала поддержку в глазах Оскара, но видела только лёд. Она закрыла глаза ладонью. Казалось, его совсем не тревожит произошедшее. Будто он ничуть не удивлён.

—

Разрушение и смерть, — задумчиво произнёс он в пол голоса. — Мирия предвидела это событие.

—

Предвидела? Предвидела!

—

Да. В тот день при снятии печати.

Теперь хмыкнула Мусони. Они добрались до первого обмана.

—

Ты хотел сказать, при снятии печати наполовину? Да, я знаю. Вы с Саирой обманули меня.

—

На то были причины, — тут же кинул Оскар.

Воцарилось молчание. Неловкость. Мусони шумно выдохнула, глотая обиду.

—

Я хотел рассказать, но позже. По приказу короля печать вообще не следовало трогать. И как показывает время, на то были весомые причины. В день снятия печати мы ничего не знали. О предвидении Мирия призналась чуть позже, — он прервался, наклонив голову вбок, отчего его голубые глаза накрыла жёсткая тень. — Ты чувствуешь вину за гибель людей – это нормально. Но если подумать, это случайность. Ты не желала им зла, не причинила смерть умышленно.

—

Желала, — в тон ему перебила Мусони, вскинув голову вверх. — Обелиск остался под завалами, и я этому рада!

На миг брови Оскара вскинулись вверх, и тут же нахмурились. Он задумчиво уставился в одну точку на деревянном полу, но странным тоном ответил:

—

На его счёт тебе точно переживать не стоит.

—

Я и не думала, — губы Мусони растянулись в ехидстве, и она стряхнула головой, пытаясь сбросить чувство наслаждения и превосходства в тот миг…

Лицо Оскара вновь задумчиво, но теперь он смотрит в упор. Боги, как Мусони скучала по этим глазам!

Голова откинута чуть назад, подбородок вперёд, а черные волосы рассыпаны по плечам. Его взгляд, пристальный, внимательный и прощупывающий. Прежде он часто изучал её взглядом, но совсем не так, как сегодня. По спине Мусони пробежал холодок, и набрав побольше воздуха, она задала самый трудный вопрос:

—

Где Саира? С ней всё хорошо?

Лицо парня не сменилось, не дрогнул ни один мускул, и лёд в голосе не исчез.

—

Она в Зафрите у отца. Не переживай.

Тень улыбки коснулась её губ; голос Обелиска звучал в ушах так явственно, будто он позади. Он резал и терзал, а кривоватые губы наверняка растянулись в ухмылке. «*Оскар отдал тебя. Обменял тебя на свою невесту, Саиру.*» Он не солгал.

Боль. Проклятая тупая ревность.

Приглушённое предательство ожило и скребло кожу, давило в груди и жгло язык. Нужно сказать, необходимо спросить… Обсудить прошлое хотелось одинаково сильно со страхом, что станет только больнее. Вдруг это правда, и он отдал её в обмен на невесту. Нет. Всё ложь. Наверняка всё было совсем не так! Обелиск соврал на счёт их смерти. Кто знает, сколько лжи он скормил ей за это время? И всё-таки, услышать правду и разбудить пережитое разочарование, страшно.

—

Ты…как… — начал Оскар, но прервался.

Нечто сжирает её изнутри настолько неприкрыто, что он обязан спросить. Не поинтересоваться о пережитом равнозначно безразличию. Возможно, ей нужно излить душу. Он может только догадываться, как обращался с ней Лорд и каким наставником был Дубнрав. Да и мало ли что стоит за болью в её глазах, а боль он видел отчётливо. Но нужные слова не приходят. Возможно, начав разговор, он сделает ей только хуже. Может быть, сейчас лучше промолчать.

—

Я в порядке, — соврала Мусони, отведя взгляд. — И что дальше? Оставшись без медальона, зачем я в Соулграде?

—

Могу предположить, монархам нужен порталог, и теперь ты сможешь освоить этот навык.

—

Ты же сказал, что Рексана отправилась к королеве. Она порталог. Зачем королеве я?

В этой фразе Оскар подметил нотки раздражения, что так свойственны Рексане, и совсем не похожи на прежнюю Мусони. Он некоторое время сравнивал их. Размышлял над их родством, и к своему разочарованию, находил больше общего, чем хотелось.

—

Силы много не бывает. Особенно на войне.

—

А что будет с тобой? — спросила она, понимая, как беспомощна. — Тебе же ничего не угрожает? Я в курсе, что король посадил тебя в тюрьму, но не знаю причины. Всё в прошлом? Он тебя простил?

—

Монархи редко прощают, но я надеюсь на амнистию, — Оскар пожал плечами и хмыкнул. — При других обстоятельствах у тех магов вряд ли был шанс сковать Элурантропа. Теперь нужно немного подождать. Я почти набрался сил.

С лестницы раздались шаги, и к ним энергично спустился мужчина в белой накидке. Он принес пару корзин с фруктами, выпечкой и пирожными, что не сохранили свой шедевральный образ под натиском фруктов.

—

Знал, что очнулись. У меня тут угощения со свадебного банкета, не пропадать же добру, — он низко посмеялся и его рука, миновав магический заслон, поставила корзинку пленникам. — Эта свадьба отпечатается в веках истории Авелии! Правда, совсем не так, как ожидалось. Хех.

Скрестив руки, он выжидающие смотрел то на одного пленника, то на другого. Особенно пристально на Мусони, с неким фанатическим интересом.

—

Хочешь что-то сказать? — спросил Оскар тоном, не выражающим никакого интереса.

—

Не каждый день приходится везти на своём судне таких важных пассажиров. Элурантропия, конечно, редкий дар, но наследница Тарэй… у меня мурашки по коже от сотворенного тобой… Вот это сила! Какая превосходная магия! Рексана в сравнении просто тень. Только и может, что хвастается своим предком. Пустые обещания даёт, а ничего не исполняет! Решительности ей не занимать, особенно, если нужно кого-то убить, но на это каждый способен.

Энтузиазм, звучащий в голосе, и восторг, с которым он отзывался о катастрофе, не вызывал у Мусони ничего, кроме ужаса. Неужели кому-то это нравилось? По коже прошла ледяная волна. Сравнение с новоиспечённой сестрой создало вал вопросов. Что из себя представляет новая хозяйка медальона?

—

Вы знакомы с Рексаной?

Но не успел мужчина стереть с лица горделивую улыбку, как откуда-то сверху раздался грохот такой силы, что корабль повело, а мужчина, сведя брови, поспешил на палубу. Пришлось упереть руки в пол, ведь спустя минуту, грохот повторился, сопровождаемый толчком.

—

Что это?!

Откусив яблоко, Оскар не торопился с ответом и разведя пошире ноги, оставался невозмутим.

—

Много вариантов. Может быть погодный коллапс, столкновение с судном поменьше, или вообще захват корабля. Кажется, это самые распространённые причины.

Он ответил просто, буднично, и его расслабленный тон успокаивал. Видимо, ни одна из причин не повод для беспокойства и чувство безопасности наконец возвращалось. Пусть в его сердце другая, и для Мусони в нем нет места, но Оскар для неё словно дом, а может, даже крепость, в которой тепло и ничего не угрожает.

—

Оказывается, у меня есть сестра.

—

Одна из тайн раскрыта, но сколько их впереди? Стоит приготовиться к объёму информации куда бóльшему, чем прежде.

—

Как давно ты знал про Рексану и что мы сёстры? — она прищурилась, страшась ответа. Молясь про себя, чтобы он не знал о ней с самого начала.

—

Узнал перед заключением в Шадур, когда вернулся в Соулград.

Вновь неловкое молчание. Как и прежде, Оскар говорил ужасно мало. Он не из тех, кто любит болтать…а Мусони так и подмывает залезть в его голову и узнать больше, понять его. Они так и не успели стать друзьями, а произошедшее разверзло между ними настоящую про-

пасть. Однако он манит её. Холод и молчание не отталкивают, но лишь притягивают ещё сильнее.

Вновь грохот, толчок и корабль со скрежетом и душераздирающим скрипом повело вниз. Непонимание охватило сознание Мусони. Она врезалась плечом в невидимый барьер, и кинула взволнованный взгляд на Оскара.

—

Не бойся, если корабль разобьётся, мы всё равно что в капсуле – останемся невредимыми. Это охранная магия, особый тип заклинаний.

—

Разобьется?! Ты серьёзно?

—

Такое случается, — снова пожал плечами Оскар, хватая корзину с фруктами, которая едва не уехала из зоны его магической камеры. — Расслабься.

Корабль кренило всё сильнее и всё, что могла Мусони, это подавить желание кричать. Гул нарастал, судно трясло и подбрасывало. На лестнице возник силуэт.

Заметив пленников, он замер, оставаясь в тени, но Оскар чувствовал изучающий пристальный взгляд незнакомца. Лицо его спрятано под маской, а голова обмотана множеством тонких тканей. Огонь качнулся, всего на миг освещая лицо. Элурантропу достаточно половины секунды. Он успел заметить глаза и зрачки, с вертикальными разрезами.

—

Аур Серпис.

Полузмей ещё раз обвёл пленников взглядом и со скользящей грацией исчез.

—

Вот тебе и союзники, — Оскар приподнял бровь и повернул лицо к девушке. — Мусони, столкновение через тридцать секунд. Разведи руки и упрись в барьер как можно жестче. Вот так. Не бойся, больно не будет. В зоне барьера тебя тряхнёт, не более. Но если корабль начнёт крутить, лучше иметь опору. Двадцать секунд.

Он поднялся на ноги и показал, как нужно. Начиная обратный отсчёт, его губы растягивались в странной улыбке. Унимая дрожь и бешеное сердцебиение, Мусони не сводила с него глаз. Хотелось не стоять так, разведя руки и ноги в разные стороны, а прижаться к нему и спрятать лицо. Неужели корабль в самом деле рухнет? Что, если Оскар ошибся, и они погибнут?

—

Три…

Это самые долгие десять секунд её жизни, и самые мучительные. Мыслей слишком много, а времени катастрофически мало.

—

Два…

Вот опять — как тогда, над пропастью —не худший вариант видеть перед собой Оскара в последний момент. Ко всему, этот Оскар настоящий, а не какая-нибудь иллюзия от лорда.

—

Один.

Вот и всё. Точность отсчета поражала. Грохот, щепки, ослепляющий яркий свет. Мусони зажмурилась, стиснув зубы. Так страшно, что нет сил кричать, а сердце бьётся не в груди, оно повсюду – в голове, горле и в пятках. Мир завертелся, оглушил и спутался в бесчисленном мелькании.

Глава 2. Зафрит. Ахвинахви и батибат.

—

Здесь всё так, как ты говорила, — Яомин, с распахнутыми от восторга глазами, стоял на корме корабля и наблюдал за горизонтом.

Отливающее бирюзой море, блестело в лучах закатного солнца, когда Зафрит приветливо махал огромными, похожими на зонты темно-синими шатрами. Они служили защитой города от палящего солнца. Преимущественно белые и песчаные оттенки зданий вырисовывали силуэт города. Стоя рядом, Саира вдыхала соленый аромат и щурилась на солнце, как довольная кошечка. Её кудрявые волосы трепал морской ветер. Возвращение домой никогда прежде не приносило такого удовольствия.

—

Ты ещё ничего не видел. Наши улицы, с добродушными разговорчивыми горожанами. Обилие товаров, блюда, которые готовят прямо при тебе и только в Зафрит. И, конечно, кошки, что обтирают свои бока и не дают прохода…

—

Кошки? Ты не говорила о них прежде. Теноксы, да. Но… кошки?

Звонко рассмеявшись, Саира откинула голову назад, раскрывая шею.

—

И как я могла о них забыть! Зафрит родина Шпионифуса, и, хотя большинство пушистых друзей обычные, встречаются и редкие экземпляры. В моём доме около сотни кошек. Папа их очень любит. Он искренне считает, что наш Дом под покровительством богини Фелиры. Той, что хранит от злых духов и дарит уют.

—

В наших традициях бог уюта Радогой, но с кошками он не связан, его стихия огонь. Он почитаем нами, но в форме ликана мы его опасаемся, — Яомин исследовал берег, стараясь запомнить его, запечатлеть в памяти как прекрасную картину. — Твоя родина яркая и горячая, а моя окутана тенью и лесной прохладой. Ваши люди стремятся защититься от солнца, и зачастую жизнь начинается в сумерках, а мой народ встаёт с первым лучом солнца, и ложится спать до вечерней зари.

И всё-таки, нас что-то связывает, — добавила про себя Саира, приложив руку к солнечному сплетению. Нить. Незримая связь была как прежде крепка и необъяснима. Улыбнувшись своей трусости, она опустила взгляд к морю. Совсем не в её духе держать язык за зубами и умалчивать о неудобствах, а Нить, без сомнений, вызывала огромный дискомфорт. И трепет. Саира подняла глаза на Яомина, и неожиданно встретила его пристальный взгляд.

—

У меня такое чувство, — начал он, не отрываясь. — Что это уже происходило. Ощущение, что я не первый раз пересекаю пролив, и с тобой знаком не меньше жизни, — он замолчал, изучая черты лица и улыбаясь. — Звучит нелепо. Прости, если смутил.

—

Нет, ничего… — Саира прикусила нижнюю губу – какой подходящий момент для откровения, а она колеблется. — Я тоже. То есть, я хочу сказать, что меня давно посетило похожее чувство. Ну, не совсем давно, на днях…

Щёки вдруг вспыхнули, а всё сказанное повисло в неловком молчании. И что на неё нашло? Затараторила, как среброклюв.

Пока Саира хотела уйти под воду от стыда, Яомин продолжал улыбаться, не сводя чёрных глаз. Тогда она незаметно притянула к себе струю воды и шутливо направила её в лицо собеседнику. Не вздрогнув, улыбка его стала только шире, а взгляд пронзительней.

Сзади послышался сдавленный стон, заставив обоих развернуться. Анэль не повезло — её мутило с первого шага на корабль — морская болезнь. Сидя в углу, не находила себе места.

—

Не обращайте внимания, — она махнула им, пытаясь вдохнуть побольше воздуха и прогнать зеленоватый оттенок лица.

—

Не обязательно так страдать, есть средство от морской болезни, — Саира уже потянулась в небольшой поясной мешочек.

Анэль упрямилась, и пошатываясь, встала на ноги.

—

Нет, я должна это пережить. С полетами на воздушном судне такой эффект тоже был, но скоро прошёл. Слава богам, Зафрит близко.

Берег стремительно приближался, вырисовывая всё больше скрытых деталей, и глазам некогда было скучать. Корабль, подгоняемый магическим потоком, двигался гораздо быстрее обычных. Чем ближе к Зафриту, тем воздух становился не только жарче, но и плотность магии эфира чувствовалась сильнее.

Шатры стали медленно скручиваться, поднимая под собой облако пыли, а затем резко всколыхнулись вверх, став ярко-алыми. Такая перемена значила прибытие в порт важного гостя. Саира шумно втянула воздух и задержала дыхание — неужели отец знает, что его дочь рядом? Сбоку от их судна пронеслось другое — вытянутое стрелой, узкое и быстроходное, с несколькими уровнями зеленоватых парусов и гербом, который не узнал никто. Золотая змея извивалась возле острых кинжалов в окружении языков пламени. Саира выдохнула — по всему, важный гость не она.

—

Ты знаешь, чей это герб? — спросил Яомин, сведя брови.

—

Впервые вижу, но судя по преображениям в городе, их ожидает Исар Фахшан.

—

Твой отец? Давно хотел спросить, как он отнесётся к такому, как я?

Образы из взглядов, жестов и фраз составили реакцию отца в голове Саиры так натурально, что заставили вздрогнуть. Исар добр и улыбчив только в кругу родных, для остальных – он правитель Зафрита, и прячет свои лучшие качества, опасаясь, что кто-нибудь сочтёт их слабостями.

—

Ему нужно немного времени, чтобы привыкнуть. А тебе стойкости и смелости, а также терпения. Обычно он хорошо выносит моих друзей после… небольшой проверки.

Саира приподняла брови и нервно потерла подбородок. Самой интересно, как отец отнесётся к ликану. Ведь он маг до мозга костей, и ко всяким гибридам относится с подозрением. Узнав, что Оскар элурантроп, едва не пошёл на попятную в решении помолвки. Остановило, что тот полукровка, и магией управляет не хуже дара. А может, отца остановило бедственное положение тех лет, и жизненная необходимость поддержки со стороны Соулграда.

Узкий корабль, сложа паруса, сбавлял скорость, находясь совсем рядом с пирсом. Из каюты, сотканной из плотной ткани и вуалей, вышла группа людей, облаченных в тонкие одежды, скрывающие лица и головы.

—

Интересно, кто это. Смотри, какие движения… — задумчиво протянул Яомин. — И рост как на подбор.

—

Да, грациозны как Эйфейрин. Можешь не ломать голову — если птицы высокого полёта, скоро узнаем, кто они.

Товарный корабль прибился в тени длинного здания высотой в три этажа. Придерживая Анэль, которую ещё потрясывало от качки, они сошли на выложенную камнем пристань. Яомин закинул на плечи их походные рюкзаки и с детским восторгом осматривал всё, что попадалось на глаза. Впервые в жизни он видит порт, что плавно перетекает в бесконечные торговые ряды, окружённые запахами специй и свежей рыбы. Их тут же окружили несколько кошек, отирая бока о ноги и громко мурлыча. Шерсть некоторых отливала перламутровым цветом, у других было по несколько пар ушей, как у Шпионифуса, а третьи имели дополнительные глаза или несколько хвостов.

—

Прогуляемся? Насидеться в стенах дворца всегда успеем, — улыбнулась Саира, поджимая губы. — Будет преступлением не утолить твою жажду первооткрывательства.

Базар кишит торговцами: один продаёт специи, что шепчут пророчества, другой — пиалы из кристаллов, закалённые дыханием саламандры для «усиления видений». Анэль отбилась от Саиры, рассматривая многообразные украшения, среди которых затаилась пара–другая настоящих артефактов. Мимо бесшумно пролетают караваны на эфирных коврах. Саира не могла оторвать глаз от восторга, с которым Яомин впитывал в себя происходящее. Он жадно вдыхал воздух полной грудью, а его внимание то и дело захватывала новая диковинка.

Высокие минареты богини Солуны из песчаника, увитые светящимися рунами, пронзают небо, как древние копья. Рядом возвышаются выгнутые, слегка заостренные крыши храмов, золочёные узором в виде солнца. Стены некоторых домов пестрят свежей листвой пустынного вьюна, чьи цепкие иглы на стеблях вгрызаются в здание и наверняка служат защитой от воров. Такие шипы не оставляют шансов вскарабкаться по стене.

Тут и там под замысловатыми выпуклыми крышами появляются искусственные водопады. Они струятся несколько минут, создавая приветливое журчание, и гаснут. Но в этот момент начинает работать его сосед и так по цепочке вдоль всей улицы. Водопады охлаждают зной и придают атмосфере города совершенно непередаваемый шарм.

—

Вот, попробуй! — пока Яомин неспешно погружался в мир Зафрита, Саира перехватила у мимо проходящего торговца пару закусок на длинных палочках. — Это Инджар. Начинка от острых и солёных, до приторно сладких. Те, что слеплены треугольником, всегда самые острые и хрустящие, а круглые и светлые — со сладким наполнителем. Начинай с любого. Кому как нравится.

Она тут же принялась кусать круглую булочку с краю. Яомин начал с острой. Судя по звукам, исходящим из горла, закуска пришлась по вкусу. Скоро воздух с пряного сменился на умопомрачительный. Проходя ряды дымящихся, окутанных облаком специй, блюд, можно подавиться слюной — клубы ароматов вызывают звериный аппетит. Следом за Инджаром они поглотили ещё с десяток различных закусок. Кошки путались под ногами, выпрашивая угощения жалобным писком, и Саира то и дело подкармливала их. Уходя вглубь города, кошек становилось чуть меньше, но один, черный кот, продолжал преследовать их от самого порта. Его целью был ликан, а на Саиру он не обращал внимания. Кажется, Яомину кот тоже приглянулся, и скоро он начал оглядываться. Больше всего Яомину понравились хрустальные яйца с мясной начинкой и напиток со вкусом мяты. Улица расширялась, превращаясь в площадь с ядром в виде огромного осколка небесно-голубого цвета, торчащего из песка. Кончиками пальцев Саира коснулась груди, затем лба и положила руку на сердце, не отрывая взгляда от камня — этот жест значит глубокую привязанность и веру.

—

Осколок Иртноса, Защита Зафрита, — уточнила она, останавливаясь вблизи, чтобы Яомин мог рассмотреть достопримечательность. — Первое сердце города.

—

Первое? Сколько же сердец у вашего города?

—

Три. И это самое крохотное. Только не трогай его, — остановила руку ликана Саира, и сердце её вновь зашлось в пляс. — У нас не принято касаться святынь.

Закинув голову вверх, Яомин присвистнул — если это крохотное, то какие по размерам те, что Саира назвала бы гигантом.

Продвигаясь в шумной толпе, Яомин не замечал, что и сам становится предметом для обсуждения, а рядом с Сердцем Зафрита и вовсе привлек всеобщее внимание.

—

Ахвинахви

, — послышалось непонятное по значению слово со стороны торговца, прикрывшего рот рукой.

—

Ахвинахви

,

ахвинахви

, — как по цепочке рассыпалось во все стороны, из уст в уста.

С каждым новым словом внимания к Яомину становилось всё больше. Торговцы сворачивали головы и тыкали пальцами в его сторону, шептались и хмурили брови. Напряжение в рядах росло, и дальнейшее игнорирование могло привести к осуждению. В отличие от ликана, Саира хорошо знала, что следует за таким вниманием, и тихо выругалась:

—

Ангра. Кажется, нам пора во дворец.

Встретив встревоженные лица горожан, настороженные взгляды и шёпот в свою сторону, Яомин напрягся. Почуяв угрозу, рука по привычке дёрнулась в сторону рукоятки топора, но осеклась.

—

Что значит Ахвинахви?

—

Ничего, не обращай внимания. Просто нужно заручиться поддержкой отца, и люди перестанут смотреть на тебя как на демона.

—

Демона? С чего они считают меня Андрасом?

Голоса становились уверенней, и жизнь улицы торговцев ощутимо замедлилась. Покачав головой, Саира взяла Яомина под руку, стреляя взглядом будто стрелами в стороны тех, кто произносил ругательное слово.

—

Ты что делаешь? — не останавливаясь, уставился на неё Яомин.

—

Спасаю нас от лишнего внимания! Они знают кто я, и не осмелятся преследовать тебя, если поймут, что ты мой близкий друг.

—

Тогда, может, лучше сделать вот так?

Внезапно Яомин притянул Саиру к себе за талию и улыбнулся уголками губ. Она распахнула глаза, быстро заморгав и вскинув брови. Толпа стихла. Пересуды смолкли. Сработало. Однако эта близость сводила её с ума. Смуглая кожа скрыла смущение, прихлынувшее

к щекам, но сердцебиение скрыть невозможно. Яомин наверняка услышал, как разгоняется её пульс, уж не поэтому ли его улыбка приобрела хитрый вид?

—

Может, но это усложнит ситуацию, когда будешь представлен отцу. Есть шанс, что нас...

—

Саира Фахшан!

—

…увидят… — закончила Саира на выдохе и стиснула зубы. — Как всегда вовремя.

К ним торопился невысокого роста, круглолицый старик с лысой макушкой и остатками кудрей по бокам. Карие глаза бегло изучали Яомина, а встретив взгляд девушки, на лице тут же появилась вежливая улыбка. Мягко касаясь кожи, Саира легким нажатием стряхнула с себя руку ликана.

—

Слава Солуне, с вами всё хорошо! Хвала Минасу, что вы вернулись!

Пока старик жестикулировал, восхваляя богов, Саира сдержанно улыбнулась и выпрямила спину, став на пару сантиметров выше. Её непринужденность сменилась королевской выдержкой:

—

Муэвир, как отец?

—

Не было и дня, чтобы он не говорил о своей прекрасной дочери, — продолжал раскланиваться старик. — В делах, заботах, о благополучии народа. Нынче хороший урожай, и торговля на достойном уровне… А где же Оск…

—

Хорошо, Муэвир. Остальное я узнаю от отца, — прервала его на полслова Саира. — Можешь обрадовать его новостью о моём возвращении.

Сказав последнее, взяла Яомина за руку и обогнула старика сбоку. Тот низко поклонился и проводил принцессу Зафрита долгим вдумчивым взглядом, его вежливая улыбка тут же погасла, уступив настороженности. Анэль держалась в стороне, и успела заметить перемены в лице старика и пару неприветливых стражников, подошедших к Муэвиру, чтобы получить приказ.

—

Муэвир – наперсник моего отца, — пояснила Саира, сворачивая с площади в узкую улочку. — Один из пяти. Не самый приятный из них. Должна предупредить, что в Зафрите очень ценится вежливость, но за приветливой улыбкой иногда прячется больше ненависти, чем способны вместить все ругательства мира. Нужно всегда быть начеку.

—

Он из таких? Его улыбка… — начал Яомин, но Саира прервала, покачав головой.

—

Нет, он вполне дружелюбен, хотя иногда суёт нос не в свои дела. На будущее, не стоит доверять лести и самой ласковой улыбке.

—

Саира! — Анэль догнала их, гремя амулетами из разноцветных камней и ракушек. — А где же Теноксы? Ты столько о них рассказывала! Кругом их изображения на холстах, фигурки, украшения из перьев. Не терпится увидеть их вживую…

Обернувшись, Саира мельком глянула на Муэвира — тот провожал их долгим взглядом — и озарила подругу тёплой улыбкой, притянув к себе.

—

Вон там видна крыша дворца, — она остановилась, выставив руку вперёд, указывая на золотистые навершия башен. — А лес с гнёздами Теноксов прямо за ним. Думаю, сможем прогуляться после ужина. В ночи Теноксы ещё прекрасней. Перья некоторых светятся в темноте.

—

А получится полетать? Ты же прокатишь нас?

Нетерпение в голосе, азарт отражается в горящих озорными огоньками глазах. Рядом с малышкой Анэль Саира чувствует себя старшей сестрой, не в силах отказать или огорчить её. Тем более сейчас, когда копна рыжих волос украшена тикой из перьев теноксов.

—

Думаю, я смогу убедить отца. Самостоятельно прокатиться не выйдет, но пара знакомых Нокситов, с которыми я дружу, не откажут.

—

Кто такие Нокситы? — одновременно спросили оба.

—

Всадники Теноксов, их объединяет клан с одноименным названием – Нокситы. Они знают всё о Теноксах, от происхождения до тайных техник, позволяющих понимать их язык, — пробираясь узкой улочкой, Саира так и не отпустила руку Яомина и продолжала тянуть его за собой. — Если Ноксит освоит навык общения с теноксом, становится мастером и наставником для других. Связь между Теноксом и Нокситом открывает для обоих совершенно другой вид магии, не требующий эфира. Это невероятно!

Почти бесшумно, Яомин хихикнул. И всё же, почти – Саира обернулась, желая узнать, чем вызвала смешок. Он и не думал стать серьёзным и продолжал.

—

Разве это так сложно?

—

Представь себе! Иначе я не говорила бы с таким воодушевлением! Неужели ты тоже умеешь?

Она встретила улыбчивый взгляд Яомина и вспомнила, как совсем недавно он общался со Шпионифусом. Их долгое молчание, непрерывный зрительный контакт и беззвучное понимание, в точности повторяло технику Нокситов. В лесах Авелии, находясь под впечатлением от встречи с грозными Сильванимами, она упустила эту деталь.

—

Не уверен. Я никогда не встречал Теноксов, в наших лесах есть только обычные совы.

—

А со Шпионифусом? Разве ты не говорил с ним?

—

Вроде того. Он начал диалог первым.

Тут Яомин с силой без предупреждения дернул Саиру к себе, и мгновенно развернул за свою спину. Туда, где секунду назад была Саира, ударила золотистая молния. Топоры Яомина на взводе. Один из них уже взлетел вверх, в направлении нападавшего. Со скрежетом оружие попадает в каменную кладку и валится вниз.

Моргнув, Саира тут же создала водный щит, пользуясь искусственным водопадом. Чуть с запозданием Анэль разогнала эфир, озираясь по сторонам. Враг затаился в тенях балконов и изогнутых мостиков, соединяющих здания.

Внезапный удар пришёлся сзади. Прячась в укрытии, воздушный смерч ударил о щит, но развеялся. Анэль собиралась ударить в ответ огненными шарами, только Саира остановила, отдав спокойный указ.

—

Не трать зря силы. Из-за щита ничего не получится, — но сердце зашлось от адреналина. Давненько она не встречала открытой агрессии. — Яомин, ты видишь их?

—

Шшш! — ответил он.

Обостренные чувства ликана позволяли не только видеть, но слышать и чувствовать противника. Пока девушки следили за местом, откуда взвился смерч, Яомин слышал мягкие шаги, перебегающие за стенами здания: Двое, и они переговариваются, используя странный шипящий язык — очевидно пытаются устроить ловушку. Повернувшись лицом к Саире, Яомин использовал язык мимики, что они выучили с Мирией. Указал девушкам зайти в арку здания, и когда те спрятались, уже вслух добавил:

—

Кажется, они ушли. Саира, можешь опустить щит.

В ответ Саира вскинула брови, не понимая задумки, но Яомин медленно качнул головой, приготовившись. Его слух на пределе, и на сей раз…

Всё происходит молниеносно.

Щит пал — Яомин делает рывок вперёд. Тень на балконе вызывает вспышку молнии, но топор Яомина уже летит ему на встречу, тогда как сам ликан, уклоняется в ловком перекате. Тень протяжно шипит и заваливается на пол.

Второй враг замирает в засаде, и неуверенно топчется. Яомин чувствует его. Слышит сбитое дыхание и учащенный пульс. Все решит один неправильный шаг.

—

Нападай, — одними губами произносит он, не отрывая взгляд.

Однако противник оказался не глуп. Внезапно поменявшись ролями, враг в тенях произносит заклинание и сбегает, а тело поверженного вспыхивает ярким зеленоватым огнём.

Сдерживая жажду погони, Яомин прислушивается ещё некоторое время, и выпрямляется, убирая топор. Затем хватается за перекладину, что служит основанием для тена, и быстро взбирается на балкон.

Сжигаемое магическим пламенем тело врага, превращаясь в комок, скукожилось до неузнаваемости. Яомин изъял топор и остановился, почти метнув его в сторону новых шагов. Он вовремя остановился, но своим выпадом успел напугать.

—

Батибат

, — прошептал мальчишка, выйдя на шум. Его глаза округлились, рассматривая Яомина и то, что догорало возле его ног. —

Батибат

!

В его голосе звучал кошмар, что, собственно, и было переводом слова Батибат с Зафрита. Убегая, мальчишка не переставал выкрикивать его и звал на помощь. Саира возвела глаза к небу, прицокивая языком.

—

Уходим, пока здесь не собралась толпа воинов.

Яомин спрыгнул, убирая второй топор за пояс. Тут же схватив его за руку, Саира почти бежала.

—

Поздравляю, теперь ты

Ахвинахви

, что значит тёмный человек, и

Батибат

– кошмар.

Глава 3. Обитель спокойствия. Семя горемышника.

—

Мальчику необходим друг. Такой, что не предаст, что будет ставить интересы выше своих, станет правой рукой, верным спутником, — Дубнрав поправил шейный платок, стоя на пороге.

Обелиус устало собирался в путь, одетый в траурный костюм. Прошло больше года, а он никак не мог привыкнуть, что Кейлис больше нет. Его лицо осунулось, а некогда прямая спина с каждым днём сгибалась всё ниже к земле. В насмешку судьбы, отношения с сыном разладились, Обелиск стал совсем отстранённым и никого к себе не подпускал. Возможно, его скорбь могла быть меньше, узнай, что Кейлис – не его мать. Рассказать правду. Раскрыть истину. Обелиус каждый день собирался поговорить с сыном, но хватало одного ненавидящего взгляда, чтобы остановиться. Дубнрав был единственным в резиденции, кто сохранял с парнем тёплые отношения. Стал своеобразным мостом между ними.

—

Считаешь, друг поможет ему справиться с утратой?

—

Постепенно. Но смысл мага-тени в другом. Ты не хуже меня знаешь, для чего мы идём на этот шаг, — Дубнрав пожевал губами, вспоминая недавний опасный эксперимент Обелиска. Старик остановил его в последний момент. — Я присмотрел отличного паренька. Из благородной семьи, старше Обелиска на пять лет, и как раз заканчивает обучение теням. Его имя Мордред.

—

Ужасное имя, — констатировал Обелиус Брант, накидывая плащ.

—

Поверь, список его до идеала выточенных качеств, перекрывает такой крохотный недостаток, как имя, — улыбнулся Дубнрав, раскрывая дверь.

С той поры его волосы окончательно сменили оттенок на серебристый, а рост стоптался на добрые десять сантиметров. Закрыв за собой дверь, старик замер, погруженный в мысли.

Дубнрав размышлял много, а говорил мало. Он стал другом Дома Брантов слишком давно, чтобы лишний раз трепать языком. Былое примущество теперь выглядело ошибкой и слабостью.

Хаос порождает хаос. Причиняя кому-либо боль, получишь боль в ответ. Некоторые каноны Оремидора приветствуют, расплату за жизнь — жизнью, а предательство равноценно убийству. Злые намерения рано или поздно возвращаются. Касание тьмы приведёт к объятиям, а те, в свою очередь, к слиянию, откуда нет пути назад. Но есть исцеление.

Сломать себя. Преступить каноны. Разбить мечты и растереть их в пыль… На жертвы ради близких способны единицы. Пожертвовать собой ради глобального почти никто не готов. Однако исцеление души процесс трудоемкий, и без жертв никак нельзя — Дубнрав чувствовал себя паршиво, ведь он не знал, где теперь Мусони. Его обязанность как наставника — сказать ей эти слова, объяснить, как действовать дальше, как выбраться из тьмы, в которую та погрузилась.

Хотя мысли зельевара далеки от работы, морщинистые руки проворно смешивали ингредиенты, а глаза следили за процессом. На фоне произошедшего, ошибки прошлых лет казались нелепыми. Можно ли считать бездействие ошибкой?

Многие в Оремидоре презирают пифий и оракулов, считая их шарлатанами, но Дубнрав слишком часто видел совпадения с их предсказаниями. И этот раз не оказался исключением.

Зная будущее наперёд, он должен был предотвратить его, но выбрал неправильный путь. Хотя, можно ли изменить предначертанное?

Оракул предрекал Обелиску смерть. Предупреждал, что трижды Жнецы навестят его, и каждый раз всё неотвратимее будет конец. Первый раз Дубнрав спас Обелиска, когда тот хотел провести опасный эксперимент. Старик успел в последний момент, и юноша, хоть и получил магические увечья, но выжил. Второй произошёл в день свадьбы с той, чья встреча не иначе как роковая. Про союз, отмеченный тьмой и скверной, оракул тоже предупреждал. Остался последний, необратимый, и Обелиск стремится к нему, как мотылёк на свет.

Из-за ширмы раздался стон, что вывел старика из задумчивости. Он взял несколько флаконов только что приготовленных зелий и быстро подошёл к кровати.

Болезненно бледный, истощённый, Томберг Блейт уже несколько дней лежал в горячке. Приходил в себя, осматриваясь безумным взглядом и вновь впадал в беспамятство. Мусони справилась с зельем, сняла проклятие, однако, чтобы процесс был завершён, не выполнила последнее условие – Дари Анор, дар любви — она должна была передать экскрантусу.

Старик влил в глотку Блейту новый настой, и когда парень затих, вытащил из кармана окропленную ветошь. Кровь наследницы Дома Тарэй, кровь Мусони. Рассмотрев, сжал и убрал обратно. Убить Мусони он не смог, хотя, имея кровь, есть пол сотни способов. Он мог не причинять ей боль, мог остановить, но не сумел. Она — внучка Зорины, той, что навсегда в его сердце. Судьба обошлась с ним жестоко, поставила на колени и заставила выбирать среди двух клятв — перед любовью и долгом. Дубнрав обещал другу, что убережёт Обелиска от ошибок, отведёт в сторону тех, чья судьба повлияет на его жизнь. Он предал друга — выбирая между двумя наследниками, победило сострадание… Мусони смотрела и говорила совсем как Зорина, размышляла, смеялась и пела их общую песню. И теперь у Обелиска остался последний шанс.

Одержимость медальоном затмила разум настолько, что он не стал искать имя своей настоящей матери. Все интересы таяли и рассыпались, а желание завладеть медальоном росло изо дня в день.

Томберг распахнул глаза, в мучительной агонии выгнул спину, упираясь головой в подушку, и, раскинув руки в стороны, едва не выбил флакон из руки старика. Его мучали ужасные боли, разум окутан туманом, он проходит трансформацию, и одним богам известно, во что она выльется.

—

Ещё немного,

Обевир,

— голос старика тих и спокоен, парень расслабленно вытянулся на кровати и покорно раскрыл рот. — Хорошо. Теперь покушаем.

Дубнрав взял со стола остывший суп, подогрел его заклинанием, и подувая, потихонечку вливал в рот Тома.

—

Нянчишься с ним как с ребёнком! — прозвучал раздражённый голос позади.

—

Семя Горемышника взросло и готово дать плоды. Ты и представить не можешь, как он тебе пригодится, — отвечал старик, чей голос звучал ровно и немного устало.

Груз ответственности на плечах возрос, и мучало чувство вины. Очвидно, он поступил неправильно, но приблизил или отдалил приход третьего жнеца пока неизвестно. Как и не понятно, мог ли он предотвратить совершенное.

—

Превращу его в свою марионетку. Сделаю так, чтобы его знал каждый. Пусть мир воротит от одного лишь его вида, — хромая, Обелиск вышел из тени лаборатории и с презрением

взглянул на Тома. — Но сначала натравлю на тех, кем дорожит Мусони. Пусть уничтожит всех, один за другим, я хочу, чтобы она почувствовала боль. Хочу, чтобы она лишилась рассудка, чтобы страдала! Хочу, чтобы её сожрала ненависть и ярость, и когда мы встретимся вновь, уже ничто не остановит меня перед возмездием. При нашей следующей встрече уничтожу её и отправлю в ад.

Говоря сквозь зубы, Обелиск сжимал кулаки от злобы, а радужка приобрела ярко бордовый оттенок. Его самого переполняла ярость, что питалась болью утраты. Мордред был не просто спутником, не только правой рукой и верным слугой. Он был частью самого Лорда. Его братом. Их связь за столько лет стала слишком сильной, чтобы просто отпустить. Безупречный, верный, непорочный. У Мордреда не было изъянов. В глазах Обелиска он был прозрачен, как хрусталь. Но теперь он мёртв. Как тень, он выполнил свою роль в полной мере, спас от гибели хозяина.

В груди Обелиска нещадно жгло и терзало. Он жаждал Мусони. Желал обладать слезой дракона. Но чувство мести булыжником легло в противовес перу. Оставить всё безнаказанным невозможно, отмщение равно восстановлению справедливости.

—

Тобой управляет ярость. Она мешает мыслить здраво. В таком состоянии не нужно принимать решений, — мягко проговорил старик, поднимаясь и заглядывая в лицо друга. — Я предупреждал. Мусони не пара тебе, ваш союз невозможен. Теперь, когда всё случилось, я прошу одного – прислушайся к моим словам.

—

Оставить Мордреда не отмщенным?!

—

Оставить. Отпустить. Мордред исполнил свою роль. Предсказание снова исполнено. Снова вмешиваться в жизнь Мусони – значит броситься в бездну. Она поглотит тебя. На этот раз ты проиграешь, мальчик мой. Нужно отпустить и жить как прежде…

Обелиск шумно втянул воздух и прикрыл глаза, стараясь сдержать себя, но начиная тихо, его голос нарастал.

—

Как?! Лииндель сбежала, Мордред мёртв – театр «Экспрессия» потерял своих амбассадоров! Напомнить тебе, кто в этом виноват? Половина Авелии в руинах, и виновата в этом моя невеста! Сотни смертей связаны с моим именем, репутация… — он сделал глубокий вдох, понижая голос. — Ликаны бунтуют, Яомин… сбежал. Воющую расщелину обокрали… И снова вокруг этих событий одни и те же имена. И ты говоришь мне жить…как прежде?! Я отомщу им всем. Я убью каждого своими руками. Ненавижу.

Стон Томберга раздражал и заставил лорда скривить губы в злобной гримасе. Пожалуй, с него и начнёт. Отличная месть. Полукровка-мутант. Лучший друг Мусони. Показательно уничтожить? Или в самом деле сделать своей зверушкой?

—

Все считают тебя мёртвым. Подумай о козырях.

Старик положил морщинистую руку на плечо Лорда и заглянул в глаза. Он не спас Мусони от тьмы, но обязан уберечь Обелиска. Исправить, склеить, собрать…нужно оградить его. Предсказания – это преимущество.

—

Ты можешь начать сначала. Власть, как и прежде, в твоих руках. Аниум, мифрил, и эфир. Легкая иллюзия и вуаля, ты другой человек, который отбросит всё лишнее, что мешало Обелиску, и сосредоточиться на том, что возвышало Дом Брантов над этим миром.

Слова старика, искренние, что идут из сердца, на несколько секунд развеяли злобные тучи, и лицо Обелиска просветлело. Он улыбнулся уголками кривоватых губ, и смягчил взгляд, расправив межбровную складку.

—

Ты прав, — улыбка стала шире, а радужка из бордового перетекла в оранжевый. Жестикулируя, он прошёл через центр лаборатории. — Я всё исправлю. Начну с города и репутации. Я уже знаю, что мне поможет… Нужно сделать новый артефакт. Затем навещу ликанов. А дальше… Держи в курсе, относительно Блейта. Возможно, он мне понадобится.

Старик нахмурился, услышав знакомые нотки в голосе Обелиска. Тревога ещё не успела развеяться, а теперь становилась сильней.

—

Как оружие? Или в качестве мести? Что ты задумал?

Обелиск пожал плечами, а улыбка приобрела оттенок безумия.

—

Кто знает. Он нужен королеве, он друг моей…хм…жены. Если подумать, все обряды пройдены, и Мусони моя жена по канонам Оремидора. Как думаешь, стоит навестить её?

—

Стоит забыть о ней, — вздохнул Дубнрав, понимая, что его влияние тает. Ни как наставника, ни как друга, ни как крёстного отца, Обелиск его больше не слышал.

—

Допустим. Но я лишился возможности творить на сцене, а значит, весь мир стал для меня театром, — голос Обелиска менялся, становясь похожим то на Мордреда, то на Оскара. — Теперь каждый всего лишь актёр, что играет роль в пьесе. Или миниатюре. Кому как повезёт. Они все мои марионетки. А я, как полагается, буду в главной роли.

Не дожидаясь наставления, Обелиск одел маску невозмутимости и покинул лабораторию. Старик подкинул отличную идею. Игра со смертью. Все думают, что его нет. Именно так Оскар провёл его, водил за нос, они прятались, как крысы, пользуясь неведением.

План Обелиска масштабнее и гораздо лучше.

Стены резиденции эхом разносят его уверенный твердый шаг. Обсекунданты и служанки расступаются, склоняя голову ниже прежнего — все знают, как повлияла смерть Мордреда на Дамина. Внезапно, одна из них режет его взор.

«Тёмные, едва заметные нити проступили возле её лица, а значит, она уже переступила грань. Пощады не будет.»

Он обернулся, замедляя шаг, и под его взглядом служанка опускается ещё ниже. Она буквально сползает по стене, догадываясь о своей участи, прижав спину и пряча лицо. Её реакция лишь подтверждает порочность и не оставляет другого выхода.

—

Убисарра

, — шепчет Лорд.

Тихо разворачиваясь, он идёт дальше, а служанка, грузно свалившись на пол, тянется следом, будто связана невидимой верёвкой.

Обсекунданты в ужасе расступаются, страшась за свою жизнь, пока Лорд без эмоций продолжает своё шествие. Больше никакого предательства. Он не станет терпеть рядом и намека на порок. Ему нужны такие, каким был Мордред – кристальные, чистые, совершенные.

Взмах рукой.

Очередная дрянь уничтожена и волочится за ним, с неестественно вывернутой шеей. Им не скрыться. Не сбежать. Он стал сильнее, беспощаднее. Потеря спутника не станет его слабостью.

Лорд улыбнулся и вытащил из рукава окропленную ветошь. Старик сдаёт. Он и не заметил, как Обелиск вытащил её. На ветоши недостающий реагент — кровь Мусони. Наконец, у него есть всё необходимое, чтобы получить желаемое. Если бы она знала, насколько ценна кровь в мире магов, то собственноручно сжигала бы все бинты. Глупышка Мусони.

По канонам Оремидора все обряды соблюдены, она его жена. И теперь осколок, хранимый в северном тайнике, способен перевернуть чашу весов. Крохотная частица слезы дракона, что была найдена в её комнате. Есть древний способ подчинить себе артефакты. Разумеется, он опасен, тёмен и требует уйму сил, но месть того стоит.

Возле двери в северное хранилище Лорд бросает короткий взгляд через плечо на тела, что волочатся за ним. Сиюминутно из-за угла выходит молодой обсекундант, склонив голову, и ожидает приказа хозяина. Его руки, сложенные в замок, нервно подрагивают, и он боится поднять взгляд — признаки неуверенности ужасно раздражают, но его аура блещет чистотой.

—

Убери, — холодно сказал лорд. — Ужин подать в северную гостиную и не смейте беспокоить меня. Предупреди всех.

—

С-слушаюсь, милорд.

Стряхнув с себя невидимые путы, Обелиск стерпел «Укус хранителя», что требовал пару капель крови, и прошёл к шкафу, одним движением набирая комбинацию заколдованных книг. Стены хранилища, созданные из зачарованного льда, вспыхнули синим пламенем. Осколок Слезы дракона, тонкий, как игла, спрятанный в ледяном ларце, утоплен в одном из блоков и завуалирован иллюзией. Осторожно изъяв, Лорд медленно открыл крышку. Окутанный тёмными нитями и дымкой, крохотный осколок излучал невероятную мощь и тьму. По-настоящему проклятый медальон! Осколки обычных проводников теряют силу, а этот продолжает жить собственной жизнью. Обелиск достал ветошь и покрутил в пальцах. Тёмные, скверные нити от осколка, словно щупальца, тут же стали тянуться к ней — чувствуют кровь хозяйки, желают соединиться. Губы мужчины дёрнулись в презрении. Отвратительно. Чернота артефакта вызывает в нём чувство тошноты, стоило бросить его в жерло вулкана, но теперь все средства хороши. Можно поступиться своими принципами единственный раз, чтобы получить желаемое.

Он работал всю ночь. Пробовал, смешивал, использовал различные формулы и методики. Безрезультатно. Вопреки канонам, артефакт отказывался подчиниться.

Следующие несколько дней он провёл уединенно, в безуспешных попытках сломить волю артефакта. Забывая о еде, пренебрегая сном, как одержимый, чьей волей управляет единственная цель – месть.

Он думал о Мордреде. Сила спутника позволяла Лорду быть в двух местах одновременно, выполнять в два раза больше дел, избавляла от необходимости тратить время на скучные аспекты. Его безупречная тактичность не сравнима с обычными слугами, чьё появление каждый раз раздражало. Слишком шумные, не знают, когда можно говорить, а когда лучше молчать. Не чувствуют настроение Лорда, и постоянно совершают ошибки. Они подчинялись Мордреду, и Обелиску не приходилось общаться с обсекундантами и слугами. Он фильтровал людей, дела и встречи, позволяя Лорду сосредоточиться на том, что действительно важно. Без него всё остановилось.

Заключить контракт с магом-тенью можно лишь один раз. Своей самоотдачей Тени очищают карму. Древняя магия сплетает судьбы и передаёт хозяину сильный кармический долг. В мире людей, где не знают про эфир, долгам не придают значения, но маги осознают, в какую западню могут попасть. Вот и Обелиск, со всей мощью эфира и властью, не приступит этот канон, не заключит новый контракт.

Дверь гостиной отворилась с лёгким шелестом, и руки Лорда, удерживающие пинцет и пробирку, замерли над осколком, а взгляд устало поднялся на вошедшего.

С подносом в руках, старик мягко прошёл к столу и опустился в кресло, доставая из набедренной кожаной сумки несколько флаконов с зельями.

—

Усиление крови и настой бодрости. Любой из них стоит употреблять строго после еды, — произнёс Дубнрав, рассматривая лицо Лорда. — Я переживаю за твоё здоровье.

Обелиск отложил инструменты и с улыбкой выпил зелье бодрости, игнорируя протест и рекомендации.

—

Не стоит переживать. Я в норме.

—

Как тогда, когда тебе было тринадцать? Я думал, ты усвоил урок и не пойдёшь на подобное, — тут старик заметил украденную ветошь и пожевав губами, нахмурился. — Знаю твоё отношение к пророчествам, но всё же, скажу. Следующая встреча с Мусони может стоить тебе жизни. Два из трёх предсказаний сбылись. Теперь, или ты продолжишь эту погоню, или свернёшь в другую сторону. От этого решения будет зависеть твоя судьба.

—

Никогда не мечтал дожить до глубокой старости, — Обелиск выпрямил спину и откинул назад волосы, упавшие на лицо. — Отец не спрашивал, чего я хочу. Он считал, что знает, с высоты своего опыта, что для его сына лучше. Лишил меня возможности выбирать. И после смерти его воля продолжает жить в твоих речах и глазах, старик. Я понимаю вашу дружбу как никто, и признателен тебе за всё. Но если тебе невыносимо видеть, как я распоряжаюсь своей жизнью, то не смотри. Ты свободен, и не стоит терзать себя из-за обещания перед отцом. Я решил, как поступить. Любые слова наставлений впредь только раздражают, а меньше всех, я хочу навредить тебе.

Сказав последнее, Обелиск уже возобновил эксперимент. Сосредоточенный, острый взгляд следил за перетекающей с пробирки эфирной жидкостью, что поглощалась осколком.

—

Томберг стабилен. Его превращения остановлены, но пострадала память. Ни тебя, ни Мусони, ни своего имени он не помнит. Однако образы то и дело всплывают в его воспоминаниях, — сказал Дубнрав, выкладывая сухие факты. — Он остался без проводника. Вернем его перстень, или стоит подыскать что-то другое?

—

Пока подыщи какую-нибудь безделицу. Фамильный перстень мне может пригодиться, — отозвался Лорд в похожей манере, не отрываясь от процесса.

Чувствуя себя ненужным, старик погрузился в новые думы.

—

Подыскать для тебя помощника? Я собираюсь в Соулград, могу параллельно выполнить твои пожелания.

Из горла Обелиска вырвался хриплый звук. Он замер и задумался над предложением на миг, но отрицательно покачал головой.

—

Вряд ли ты найдёшь самоубийцу на эту роль. Не стоит пытаться. Не сейчас.

—

Может, нам отправиться в Соулград вместе, как прежде? М? — старик с искренней надеждой заглядывал в глаза другу.

—

Нет, — холод в голосе резал и отталкивал от себя. — Как прежде ничего не будет.

В дверь неуверенно постучали. Раздражаясь, Обелиск отложил инструменты и сцепил пальцы в замок. Неудачи выводили его из себя, разговоры и посещения отвлекали и лишали концентрации. Прикрыв глаза, он втянул большой глоток воздуха, уговаривая себя никого не убивать. Хотя бы один день.

—

Милорд. Срочное сообщение, — лицо слуги обеспокоено и бледно. — В Авелии бесчинствует группа неизвестных. Маги. Они регулярно спускаются в тоннели. Кажется, они что-то ищут.

—

Разлом… — протянул Лорд, прищурившись. — Разве сложно догадаться, что могут искать маги под Авелией?! Они ищут мой источник эфира. Усилить охрану разлома и держи меня в курсе. Сообщи в академию, чтобы приставили лучших боевых магов.

Обелиск задумался, а слуга тут же откланялся и ушёл.

—

Час от часу не легче. Кто посмел? Королева? Только она способна на подобные бессмысленные действия, — констатировал он, касаясь пальцем пробки второго флакона с зельем. — Внесу и её в свой список. И почему всё катится к Андрасу?!

Старик поджал губы. Он знал причину, но озвучить вслух не желал. Да и Обелиску от правды не станет легче. Мусони, связанная с проклятым амулетом, источает проклятие и заражает им всех, кто приближается. Влияние слезы дракона ещё не скоро сойдёт на нет, а действия Обелиска ухудшает проклятие. Он продолжает заражаться, работая с осколком Слезы дракона и кровью наследницы.

Глава 4. Окрестности Санкт-Сангвии. Голоса, что твердят пророчества.

—

Тебе нужно освоить Инсомнию. Я помогу. Не бойся, так будет не всегда. Это всего лишь одно из препятствий, урок, что ты выучишь. Однажды ты сможешь вернуть свои чувства. А до тех пор я буду давать тебе подсказки…

Мужской голос стих, невесомость и прочее лишение чувств пропадали. Ощущения возвращались к Мусони вместе с очертаниями еловых ветвей, свисающих над головой на фоне темнеющего неба. В бок что-то болезненно впивалось и жгло. Заледеневшие пальцы, плохо слушаясь, ощупали тело и тут же судорожно отпрянули.

Из горла вырвался стон.

Зараза. Кажется, она получила ранение. Хруст снега извещал, что к ней кто-то приближается. Оскар.

Его лицо успокаивало. Боль не такая уж и сильная, а значит, ранение не серьёзное, ведь так? Она хотела спросить, но, набрав чуть больше воздуха, боль тут же усилилась и распространилась по телу вверх и вниз. Стон. Всё, что она могла сказать, это…

—

Оскар…

Хладнокровно осмотрев рану, он принялся разрывать корсет, бросая на лицо Мусони короткие взгляды. Она всё ещё в свадебном платье.

—

Сейчас нужно потерпеть, — предупредил он, акцентируя внимание, а в следующий момент быстро изъял щепку.

Резкая боль обожгла и ослепила. В ушах звенело, а из глаз потекли горячие слёзы. Они становились вязкими, тягучими, лишая зрения. Чувства снова отключались, и подхваченная, словно водным потоком, Мусони вновь парила в невесомости. Нарастающий, голос мужчины звенел со всех сторон.

—

Так будет всегда, пока ты разлучена с медальоном. Череда неудач, темная полоса, кармические ловушки. Ты будешь в петле невезений. Колесо начало движение, Карма запустила руки к твоей судьбе. Но я помогу. Инсомния поможет…

Третий раз. Стоит начать беспокоиться? Что за голос? Чем объяснить это состояние? Каждый раз, когда Мусони засыпает или теряет сознание, он возвращается. Хорошо, что этот голос не принадлежит Обелиску, ещё не хватало ей преследования призраков.

Мусони приходила в себя, и ссадящая боль в боку оповестила, что чувства возвращаются. Вместе с болью она ощутила тепло и безопасность. Горячие руки и ровное дыхание, а ещё хруст снега. Оскар нес её, стараясь не трясти, и Мусони боялась открыть глаза. Подобная близость – всего лишь необходимость, этот жест ничего не значит, но сердце снова ускоряет ритм. Не переболело, не прошло. То чувство просто ждало своего часа, сидело в темном уголке души, и выжидало удобного момента. Мусони напряглась.

—

Я перевязал рану, но лучше не шевелиться, чтобы не открылось кровотечение, — тихо произнёс Оскар, почувствовав, что она очнулась. — Не понимаю, почему твой барьер рассеялся раньше, чем корабль разлетелся на щепки.

Чей-то смех раздался эхом, а может, это отголосок сна.

Открыв глаза, первое, на что она обратила взор — не чудное звёздное небо, ясное и глубокое, по-весеннему очаровательное; и не яркую, словно серп луну, а лицо Оскара, освещаемое мягким звездно-лунным светом. Его очерченные губы алели на фоне бледной кожи, а шрам отливал ещё более светлой полосой. Голубые глаза источают ауру спокойствия, что пронизывает насквозь каждый раз, когда он опускает взгляд на лицо Мусони.

Она попыталась набрать в лёгкие побольше воздуха, как перед тем, если сказать больше двух слов. Боль в боку отозвалась сильнее, с намёком на плохую идею.

—

Тихо, — сказал он, и слово, с которого начался их первый диалог, звучало совсем не как раньше, но мягче. — Ты и раньше весила немного, а стала ещё легче.

Мусони могла только догадываться, когда прежде Оскар носил её на руках. Вероятно, он имеет ввиду тот случай с Аяуаски. Тот день, когда он предпочёл обменять её на Саиру. И снова досадная обида. Воспоминание о прошлом прогнало всё очарование.

Он остановился внезапно, вглядываясь вдаль и прищурившись. Его вниманием завладел кто-то или что-то, незримое Мусони. Она повернула голову, но не видела ничего.

—

Андрас тебя побрал! — раздался женский голос. — Вас обоих!

Оскар свел брови, а его губ коснулась нервная улыбка. И прежде, чем ответить, он с неверием осмотрелся по сторонам.

—

Мирия? Мы что, всё ещё в лесах Авелии?

—

В том то и дело, что нет! Я только сбежала от вас всех! Вот, несу последние вещи, и тут этот корабль, мчащийся вниз как метеор! — голос Мирии приближался, и Мусони всё отчетливей слышала раздражение. — Ты с того корабля? Саботировал падение? Это…

Она замолчала, находясь совсем близко. Встретившись взглядами, Мирия прицокнула и, качая головой, посмотрела на Оскара.

—

Нам нужна твоя помощь. Мусони ранена.

По всему, шаманка хотела отказать и как можно скорее уйти, но сжалилась. Махнув рукой, позвала за собой, но тут же начала ворчать про отсутствие личного пространства и бесцеремонные вмешательства в жизнь.

—

Мы на Востоке Санкт-Сангвии. Я давно хотела переехать сюда, а ваши постоянные визиты, да ещё и с последней гостьей, только усилили желание.

Значит, они почти на краю Оремидора. Санкт-Сангвию отличает мягкий климат, но с частыми явлениями в виде вторжения северных ветров и землетрясениями. Горы, что отделяют город от Пролива северной стужи, знамениты своей красотой и природной чистотой. Горы и лес этих мест под охраной, поэтому просто так не погуляешь. Мусони прикусила губу. И в этот заповедник упал магический корабль. Наверняка будут проблемы?

—

Я обещала себе, что никаких гостей в новом доме! И кто бы мог подумать!

—

Лично я благодарен Тихе. Из всевозможных вариантов, встретить здесь тебя – настоящая удача!

В ответ шаманка хмыкнула и снова заворчала, гремя браслетами. Вероятно, активно жестикулирует.

—

Ты любимчик Тихе, я это и в прошлом заметила! Да только тащишь на себя Гарду! — следующие слова она произнесла на неизвестном Мусони наречии, а Оскар ответил, без труда переключившись на другой язык.

—

Как я жалею, что не прогнала вас тогда!

Оскар не отставал, но нес Мусони также аккуратно, без лишней тряски пробираясь по снегу, иногда утопая в нём выше колена. Вплоть до нового дома шаманки он не опустил на неё глаз. Всё внимание отдал переговорам на неизвестном языке с Мирией. Нет сомнения, они говорят о ней. Но если по интонации женщины можно было понять, хотя бы её чувства, то Оскар прятал чувства за ледяной глыбой. Его отношение к этой теме остались закрыты для Мусони.

Не имея возможности присоединиться к разговору, она полностью отдалась изучению лица Оскара. Сфокусировала внимание и чувства на нем, его мужской привлекательности и своих ощущениях. Какие губы Оскара на ощупь? Хотелось дотронуться до его щеки хотя бы кончиками пальцев. Поиграть с волосами, цвета тёмной ночи. Нет…одних только пальцев слишком мало. Потереться щекой, ласково и нежно коснуться его кожи кончиком носа, вдыхая аромат, а потом, скользнув, дотронуться губ…тёплых, мягких и таких желанных… Встретить его глаза так близко, что можно рассмотреть каждую полосочку бледно-голубой радужки. Дышать одним воздухом некоторое время, ощущать его горячее дыхание, а потом впиться друг друга жадным поцелуем, пить его, как в последний раз, прикусывать кожу его челюсти, спускаясь к шее. Стало жарко. От разыгравшейся фантазии сердце пустилось в пляс и хотелось сорвать с себя одежду.

Мирия продолжала бубнить, стихая не дольше минуты, а Оскар вдруг повернул лицо к Мусони, и, приподняв её совсем немного одной рукой, склонился близко-близко. Его распущенные волосы частично упали ей на лицо, а жест Оскара заставил забыть о дыхании. Он коснулся её щеки своей… Кто бы подумал, что мечта может исполниться так молниеносно! Мусони быстро заморгала, когда он выпрямился в обычное положение.

—

У неё начинается жар. Далеко нам ещё?

—

Почти пришли.

В самом деле, спустя несколько минут они оказались на пороге невзрачного домика. Всего лишь жар. Он просто проверял температуру. Как мучительно – любой его жест воспринимается за нечто особенное. Никакие обиды не способны повлиять на её чувства к этому человеку. И это ужасно, ведь заглушить и успокоить их в прошлый раз не получилось, не выйдет и теперь.

Видимо, жар усиливался, вокруг всё плыло и теряло очертания и формы. В который раз Мусони теряла сознание, голоса стихали, им на смену пришёл неразборчивый шёпот. Он нарастал и туманил рассудок, разделялся на сотни эхо и соединялся в единый, облетал то с одной стороны, то с другой. Сейчас, наверное, она потеряет контроль над телом, и вернётся тот непонятный голос? Мусони напряглась, уже гадая, что на этот раз скажет *некто*.

Однако он не появился. Мусони видела сон.

Она среди непонятных существ, прекрасных, высоких и неприступных. Тела некоторых окружает туманное сияние, и они не касаются ногами земли. Парящие, с ледяными масками, вместо лиц, они выглядят суровее всех. Их волосы развивает поток воздуха, сплетая над головами венцы, а одежды, словно сотканные из паутины, украшены легкими узорами и отблескивающими кристаллами. Одни держали в руках витиеватые посохи, другие мечи, будто отлитые изо льда, а на плечах изящные наплечники. У существ нельзя определить пол, никто не носит бород, или женских замысловатых причёсок.

Окружа Мусони, они некоторое время безмолвно и безэмоционально смотрят на неё, свысока, вдумчиво, так, словно решая проблему. Несмотря на суровый вид, страха она не испытывает, ведь другое чувство полностью поглотило её — Восхищение. От существ исходила невероятная сила. Неописуемая энергия, под действием которой хотелось смеяться и плакать. Будто находясь рядом, они вскрывали в Мусони нечто, что она сама не знает. А может, очень хорошо прятала.

—

В ней больше отголосков магии, чем говорили старцы. Пророчество сбудется. Она станет той, кто погубит мир, — прошелестел один, не меняясь в лице.

—

Но решение ещё не принято, — возразил другой, чуть склоня голову.

—

Мы не можем повлиять ни на решение, ни на исход пророчества. Хотя, уничтожив обоих… — начал третий, но его перебил второй.

—

Из-за осколков Иртноса нам не доступны те края. Но она может стать нашим оружием.

Все смолкли и снова в задумчивости перевели взоры светящихся полупрозрачных глаз на Мусони. Она, в свою очередь, продолжила рассматривать их, пытаясь понять, в чём дело, и что за осколки Иртноса.

—

Людям доверия нет. Они слабы и не справляются с искушением. А эта…ко всему опорочена…

Терпение лопнуло, Мусони хотела узнать, что здесь происходит и уже открыла рот, но один из существ шикнул в её сторону.

—

Шшш! Тебе рано говорить. Мы дадим право высказаться.

Вскинув брови, Мусони покорно закрыла рот, но тут же передумала и смело, не ожидая от себя подобного, сделала шаг вперёд к тому, кто говорил о пороках.

—

Я имею право знать, что здесь происходит, хотя бы потому, что вы при мне обсуждаете вещи, каким-то образом со мной связанные! — её голос звучал как эхо, и слегка звенел, в отличие от шелестящих голосов существ. — Кто вы?!

Один из них, что с мечом в руке, острие которого слегка проткнуло снежный покров, сделал ответный шаг. Мусони пришлось задрать голову назад, чтобы смотреть ему в лицо.

—

Мы хранители жизни, дети Великой Праматери, Духи воздуха Аёры, — гордо начал он тоном, будто объяснять кто они – это просвящать невежду. — Мы Сильванимы. Ты, маг, должна знать это и без лишних слов. Должна помнить, кто вас, людей, благословил на владение эфиром, кто вас обучил магии стихий…

Вероятно, это преподают в гильдиях, но Мусони не вписывается в понятие «маг» в привычном смысле. Она изучала только узкую специальность, и не считая нескольких боевых заклинаний, которым её обучил Дубнрав, ничего не знает про магию и её каноны.

—

Я не с рождения маг. Вернее сказать, я узнала про связь с магией совсем недавно. Простите, но я ничего не знаю про Сильванимов и про осколки Иртноса, о которых вы здесь говорили.

Лицо Сильванима осталось неизменным, но оглядел Мусони с головы до пят так, словно после её слов что-то могло измениться.

—

А про скверну, что течёт по твоим венам, ты тоже ничего не знаешь? Как и о пророчестве?

—

Вы хотите сказать, у меня черная аура? — догадалась Мусони, и Сильваним едва заметно качнул головой. — Она стала такой из-за медальона, должно быть. Это наследие, что мне пришлось принять. Но теперь он у моей…сестры. Я добровольно отказалась от него. А что за пророчество?

Она вспоминала слова наставника о пророчестве её рождения, и письмо матери, адресованное Кейлис. Там были слова про будущее, что она хотела предотвратить. Сейчас, под проницательной аурой лесных духов, внутри происходило нечто, заставляющее вспоминать, копаться в осколках прошлого и искать среди них идеальные совпадения.

—

Может, ты и отказалась от наследства, но это не значит, что оно отказалось от тебя. Ты принадлежишь ему. Медальон имеет собственную волю, и он от тебя не отрекался, — от слов Сильванима по коже шли мурашки, а волосы на голове шевелились. — В пророчестве века наследница слезы дракона отмечена той, кто погубит мир магии. Хранители, что поклялись беречь магию, совершили ужасную ошибку. Теперь вас двое, и вы в равной степени способны погубить наш мир.

—

О подобном пророчестве я слышала, но у меня нет причин для ненависти. Пусть и не сразу, но я полюбила магию. Отдав медальон, я лишь хочу жить как прежде, как было раньше. Вернуться домой и…

Смех. Сильванимы, как один, зашелестели оттенками ветра, а их лица оставались безучастными. Все, кроме того, что говорил с ней. Он оставался неизменно спокойным.

—

Пути назад нет. Забудь. Теперь есть только две дороги, и ты выберешь одну прямо сейчас, — он отступил назад, беззвучно, грациозно, его одежды слегка колыхнулись, выдавая движение. — Осколки Иртноса – это древний дар нашей матери людям. Они защищают места проживания магов от простых людей, но также, и от нас, Сильванимов. Мы не имеем права и шага сделать в тех краях, где они размещены. Одним из мест является Соулград. Но ты, маг, и сделаешь то, что мы скажем.

Его голос, сначала звучащий без эмоций, теперь явно оттенял приказом. Внутри Мусони тут же возник протест, с которым она завязала битву.

—

Ты должна убить свою сестру, — сказал тот, что и теперь выглядел строже остальных.

—

Я…что?

—

Ты слышала. Убей сестру, забери медальон и вернись к нам, — повторил тот, что с мечом, и его острие поднялось, упираясь в плечо Мусони. — Мы можем убить тебя прямо сейчас, чем уменьшим шанс исполнения пророчества в половину, а можем подарить эту возможность тебе. Некоторые из нас ещё верят, что ошибка, которую совершили Хранители Артефактов, может стать спасением. И только в твоих руках подтвердить эту догадку или опровергнуть. Так что ты выберешь? Умереть? Или вернуться к нам с медальоном?

Как будто у неё есть выбор. Мусони опустила голову, рассматривая полупрозрачное лезвие меча, что грозило проткнуть её в любую секунду. От него веяло холодом и быстрой смертью. Определенно, её сны вышли на совершенно новый уровень. Принять решение или умереть — и всё это, опять-таки, во сне. Сильванимы хотя бы в открытую говорят, а не вплетают в волосы проклятую траву Аяуаски.

Теряя терпение, Сильваним строго произнёс:

—

Решение.

—

Согласна. Но что будет, когда я вернусь к вам с медальоном? И куда мне возвращаться? Как вас искать?

Меч опустился, и скрестив руки в замок на его навершии, губы Аёра изогнулись в подобие улыбки.

—

Мы сами найдём тебя сразу, как ты покинешь зону осколков Иртноса. Принесёшь медальон, и мы отпустим тебя.

И почему только эти слова звучат как…ложь? Внутри нарастало сопротивление, протест раз от раза выигрывал борьбу.

—

Смерть наследницы от твоих рук будет более чем весомым аргументом в решении твоей судьбы, маг! — добавил один из Сильванимов позади.

—

Возможно, она найдёт иной путь и будущее снова изменится, — задумчиво произнёс другой сбоку, и Мусони повернула лицо в его сторону. — Мы видим десятки путей и сотни лиц, что способны повлиять на исход. Однако решение ещё не принято. Всё может измениться в любой момент. Причём, исход может обернуться как триумфом, так и катастрофой лишь по мановению её мысли… Всего лишь мысли. Чересчур сильной мысли…

Повисла гнетущая тишина. Видимо, слова этого Сильванима не только на Мусони влияют катализатором для размышлений. Она уже решала, как можно получить медальон, не убивая сестру. Рексана не вызвала симпатий, но всё же, она могла убить Мусони и получить медальон, но сестра почему-то решила сделать иначе, и получила медальон вполне мирно. Мусони собиралась поступить если не также, то похожим образом. Подняв руку, рассмотрела отметины на ладони. Интересно, когда пропадут эти шрамы?

—

Напомни шаманке, что мы помним про её обещание. Скажи ей, что

выбор сделан.

Кивнув, поднялся сильный ветер и образы Сильванимов, как лёгкий пух, унесло высоко в облака.

Мусони осталась одна, среди штиля и тишины, ожидая момент пробуждения ото сна. Прошла по снежному покрову, пытаясь найти следы, там, где только что стояли Сильванимы, но снег был идеально ровен. Место, где состоялась встреча, слабо освещалось мягким столпом света, а остальное пространство погружено во тьму. Идти туда совершенно не хотелось, но долгожданное пробуждение затягивалось, словно не оставляя другого выбора. Опять. У неё хоть когда-нибудь будет возможность реального выбора? Выбрать путь, без давления. Выбрать роль без нажима. Быть с мужчиной, к которому тянется душа…

—

Ты можешь поступить как хочешь,

— раздался голос, звучащий со всех сторон. Тот самый, что она слышала раньше, лишаясь зрения, слуха и воли. —

Сильванимы не более чем духи природы.

—

Кто ты? Покажись.

Смех — странный, рокочущий, похожий на звериный, разносился повсюду и вселял страх.

—

Я решил научить тебя, а значит, я твой новый наставник. Обойдемся без образов, не хочу туманить твой рассудок. Моё имя Эридан.

Имя гремело эхом, резонировало и постепенно утихало. Мусони даже зажмурилась и прикрыла уши, боясь оглохнуть.

—

И чему ты будешь учить меня, Эридан?

—

Тому, что поможет тебе стать сильнее. Магии, которая сделает твой путь лёгким.

Губы Мусони изогнулись в ухмылке.

—

Разве мне нужен наставник, Эридан? И кто решил, что ты мне подходишь?

—

Я выбрал тебя, и этого достаточно. Ты можешь меня игнорировать сейчас, но придёт время, и ты сама станешь искать нашей встречи. Запомни. Когда я буду тебе нужен, просто назови моё имя перед сном…

Воздух в доме шаманки пах жженными травами и печёным яблоком. Из небольшого оконца пробивается уверенная струйка света, за ним весело щебечут птицы, купаясь в весеннем солнце.

Бок тянет, но жгучей боли уже нет.

Сначала показалось, что в доме тишина, но скоро Мусони расслышала странный шёпот. Присев в кровати, она рассмотрела с уютом обставленную комнату, со множеством фигурок зверей, масками и прочей шаманской атрибутики. Казалось, они следят за ней, переговариваясь между собой. Окна закрыты, но по перьям прошёл, всколыхнув их, поток воздуха.

Шаманка возникла в дверях настолько неожиданно и бесшумно, что Мусони подскочила на месте.

—

Ну наконец-то. Как самочувствие?

—

Вроде нормально, — Мусони ощупала место ранения. — Где Оскар?

Прищурившись, взгляд шаманки стал ещё хитрее и пронзительней. Она прошла вдоль полки, поглаживая статуэтки, но не сводя с гостьи глаз. В прошлый раз Мирия сбежала из комнаты с обрядом, не обременяя себя прощанием, а после Мусони услышала обрывок их разговора.

—

Спит в гостиной. Потратил кучу сил на твоё восстановление, — шаманка остановилась, смерив гостью оценивающим взглядом, и добавила, хмыкнув. — Прошёл всего час, как отошёл от кровати.

Он присматривал за мной. Был рядом, лечил… возможно, даже переживал, — представляя, как руки Оскара касались её кожи, та мгновенно реагировала мурашками, а если добавить к образу его глаза, с беспристрастным льдом, линию губ и волосы, рассыпанные по плечам…

—

Хватит мечтать. Вставай, я приготовила обед, — шаманка протянула руку, помогая встать. — Чем быстрее ты поправишься, тем быстрее я вернусь к своим делам в прекрасном одиночестве, а вы хоть в Соулград, хоть в Зафрит. Да пусть и на остров Ледяной стужи, лишь бы от меня подальше!

—

Мирия, — Мусони вспомнила слова Сильванимов, что они просили передать. — Спасибо. Чувствую, без твоей помощи мне пришлось бы плохо. Мне…не знаю, как правильно сказать… Меня попросили передать тебе послание.

Шаманка застыла, нахмурившись, но приподняла бровь, давая понять, что во внимании.

—

Сильванимы сказали,

выбор сделан.

Отпрянув как от огня, Мирия прикрыла рот рукой, а в округленных глазах не осталось и намёка на хитрецу. Она смотрела на Мусони как на воплощение ужаса, на источник бедствия, на самый большой свой страх. В ответ Мусони напряжённо хмурилась, пытаясь понять связь. Она определённо была. Иначе по какой причине настроение шаманки так круто изменилось?

—

Что это значит,

выбор сделан?

Это связано со мной?

Мирия взяла себя в руки, прикрыв глаза и отвернулась. Она шептала себе под нос слова на непонятном языке, и по комнате, едва слышно, расползлись её отголоски, звучащие десятками голосов. Чем больше затягивалась пауза, тем очевиднее становился ответ, но Мусони терпеливо ждала. Наконец, шаманка открыла глаза и подошла близко, так, чтобы можно было говорить очень тихо. Её глаза стали темными настолько, что зрачки едва различимы от радужки. Она взяла руку Мусони, несколько секунд рассматривала алые отметины на её ладони и положила на одну из линий полупрозрачный камень. Похожий на стекло, он имел острые необработанные грани, что могли поранить при неумелом обращении.

—

Ты никому не расскажешь об этом, — шепот Мирии отдавался мурашками в затылке, хотелось вырвать руку, но Мусони застыла, словно очарованная. — Твои губы запечатаны моими словами, твои воспоминания об этом рассеются сразу, как я отпущу руку, — она накрыла камень своей ладонью, сцепила их пальцы в замок и неожиданно крепко сжала, причиняя жгучую боль. Шикнув, Мусони не шелохнулась, но почувствовала, как пульс её ускорился, а может, даже удвоился. Почудилось, что в её груди не одно, а сразу два сердца, и бьются они с разным ритмом. — Моя рука продолжение твоей, Судьба отражение в ряби вод, мой дух… един с твоим…среди…

Под кожей разливалось чувство силы, очень похожее на переливы эфира. Протекая, оно заполняло каждую клеточку, согревая и заставляя содрогнуться. Оно будоражило и успокаивало одновременно. Шаманка против её воли совершила некий обряд, и Мусони не знала его цель, кроме того, она не могла его прервать. Слова Мирии всё ещё звучали, но вновь на неизвестном языке, с длинными паузами, а может, это просто Мусони теряла их, ведомая энергией.

—

…тенями оплетая… — руки шаманки отпустили Мусони, она пошатнулась, и грузно села на кровать.

Уставившись на руку, в непонимании вскинула брови. Что? Головокружение? А, ну конечно, она же была ранена. Бок немного тянет. Мирия, чьё лицо не отражало никаких эмоций, протянула ей руку.

—

Идём обедать, — холодно произнесла она.

В мыслях такой туман, словно Мусони что-то забыла. Она потёрла виски, встряхнула головой и коснулась пальцами губ, будто на них могла найти потерянную мысль.

—

Вспомнила! — наконец воскликнула она, глядя Мирии в глаза. — Сильванимы просили передать…

—

Я знаю, — оборвала её на полуслове шаманка, и потянула за собой. —

Выбор сделан.

Глава 5. Зафрит. Дворец как дом или клетка.

На заре лет, когда первым людям разрешили коснуться эфира, Великая мать верила, что люди способны спасти саму суть живого. Разглядев потенциал к созиданию, она даровала им силу повелевать стихиями. Дети природы, Сильванимы, не перечили её воле и обучали всему, что умели сами. Первые маги поклялись верности Великой матери, защищать и оберегать её, как свою родную мать, передавать мудрость, дарованную ей, и помнить, для чего им была дана сила. Однако, Сильванимы, что жили близко к людям, скоро начали замечать, что маги пренебрегают их канонам. Почувствовав превосходство, они стали возвышаться над теми, кто слабее, особенно над теми, кто не обладал магией. Сильванимы рассказали о своих наблюдениях Великой матери. Она предвидела этот путь, как и другой, где её любимые дети, Сильванимы, захотят уничтожить людей. Их гнев может быть оправдан, но люди имеют крохотный шанс на спасение. Она знала, что в решающий час, Сильванимы, сотканные из её любви и эфира, не смогут справиться в одиночку. Великая мать видела множество путей и других измерений, общалась с Сёстрами и слышала, о чём те шепчутся. Каждая из них строила свой мир, и ни одна не была похожа на Великую мать ни характером, ни убеждениями. Тогда Иртнос, муж Великой матери, заметив её печаль, решил помочь. Перед ним трепетали все Сильванимы, его почитали и боялись, любили и уважали. Он предложил защитить людей, отдав Великой матери половину своей души. Его жертва казалась неизмеримой, и согласиться с его решением Праматерь не хотела. Тогда он собственными руками раздробил половину души на осколки и запустил в Оремидор, неравномерно рассыпав их по континенту и океанам. Другую половину души он отдал Великой матери, заклиная, что, если однажды его жертва окажется напрасной, она может уничтожить всех врагов, соеденив осколки воедино.

Дворец, что Саира называла просто домом, удивлял воображение и не давал глазам скучать, подкидывая множество деталей в каждой линии. Широкие залы со стенами цвета белого песка, перетекали один в другой. Изогнутые своды потолка представляли собой множество колышущихся от ветра полотен. Создавая подобие волн, или облаков, они находились в постоянном движении, и пропускали внутрь не только ветер, но и лучи солнца, что переливались, изредка отблескивая от красных и синих кристаллов, украшающих стены. Заметив некоторую цветовую закономерность, Яомин уточнил, связаны ли синий и красный цвета с культурой Зафрита, и угадал — оказывается, они символизируют женскую и мужскую энергию, мир и воинственность, а в паре гармонию и равновесие. Несмотря на температуру, что царила за пределами дворца, воздух здесь значительно прохладнее.

Яомин шел за Саирой, по-детски рассматривая всё вокруг. Узоры на стенах из камней и тиснения, растения и цветы, которые то стремились вверх, обвивая колонну, то спадали из-под потолка, переплетаясь с полотнами и качаясь от ветра. То и дело им попадался зал с фонтаном или водопадом, что стекал по каменным валунам стены, становясь единым целым с дворцом. И разумеется, кошки. Они были повсюду. Их во дворце больше, чем стражи или слуг. Черный кот, прицепившийся к Яомину ещё в порту, преследовал их и здесь. Скоро они вышли на улицу, в небольшой сад, что расположился, казалось, прямо посреди дворца и был окружён с четырёх сторон его стенами и полукруглыми окнами. Здесь росли небольшие деревья и множество цветущих растений, за которыми ухаживали пара женщин, одетых в широкие светлые штаны и рубашки на запах, перевязанные алыми поясами. Заметив Саиру, они встали, склонили головы, выпрямив правую руку вдоль тела, а левой ладонью мягко касались предплечья правой.

—

Роза Золотых Песков, — говорили они, и тайком косились на незнакомца, со смесью любопытства и недоверия.

Саира в ответ коротко кивала и шла дальше.

Малышка Анэль потерялась за спиной Яомина, и её присутствие замечали в последний момент. Подобно ликану, она шла, раскрыв от удивления рот. Скромный снаружи, дворец удивлял своей красотой и величием. Они пересекли несколько залов и столько же садов, когда их остановил властный женский голос.

—

Фахшан–Илос! Тебя Андрас попутал, и ты снова ослушалась слово отца!

Замедлив шаг, Саира обернулась на голос, придавая лицу примилую улыбку.

—

Мама, я просто…

—

Сектен! — прервала её женщина, гремя браслетами, вскинув вверх руку. — Не ври мне!

Высокая, с точеной фигурой и узким лицом, она стояла в окружении двух женщин, одетых на подобии тех, что работали в саду, но пояса были чёрные, в тон длинным посохам, что были в их руках, а темные волосы стянуты в тугие косы и плотно пришпилены к голове.

Сама же мама Саиры, известная всем как Лянзара Илос, облачена в длинное платье глубокого синего цвета, под грудью широкий, расшитый блестящей золотой нитью и драгоценными камнями, пояс. Длинная шея украшена множеством сверкающих золотых украшений, как и запястья. Волосы женщины забраны в опрятную причёску, а шпильки с золотыми каплями и алыми цветами украшают их, навесая над головой. Несколько каштановых прядей выпущены, придавая образу лёгкости. Лицо строгое, пухлые губы стиснуты в напряжении, а карие глаза, с золотыми тенями, прожигают огнем то непослушную дочь, то её спутников. Невольно Яомин опустил глаза, отчего то не в силах выдержать её взгляд, а Анэль наоборот, ощутив знакомую энергию, в нетерпении прикусила губы. Она могла поклясться, что эта женщина маг огня.

—

Поговорим наедине? — предложила Саира, подходя к матери и протягивая ей руки.

Осмотрев гостей ещё раз, Лянзара Илос подняла правую руку, и дочь коснулась её тыльной стороны лбом, слегка нагнувшись.

—

Размести гостей. Жду тебя в риаде Шелкового оазиса. Отец принимает заморских гостей, и не скоро освободится.

Сказав последнее, пристально осмотрела гостей с головы до пят, и скрылась в арке зала. Выдохнув, Саира опустила плечи.

—

Идём, она ужасно не терпелива, мне нужно торопиться.

—

Теперь понятно, в кого ты пошла, — улыбнулся Яомин. — Создаёт впечатление.

—

Мама имеет взрывной характер, и с ней иногда сложнее договориться, чем с отцом, — Саира понизила голос, опасаясь, что её услышат.

Заметив, как опустились плечи Саиры, Яомин сдержался от комментария очевидно схожих черт.

Они пересекли аркаду, с обеих сторон окруженную садами с бассейнами, и поднялись по широкой белоснежной лестнице на второй этаж. Встретив парочку слуг с серыми поясами и прическами в две косы, Саира сказала что-то на языке Зафрита и те стали им вслед. Её

настроение изменилось, как и выражение лица, что выдавало нервозность, а сжатые в кулаки руки напряжение.

—

Пока я общаюсь с мамой, вы можете принять ванну и переодеться. Если что-нибудь нужно, Лемин поможет.

—

Какая из них Лемин? — поинтересовалась Анэль, переводя взгляд с одной служанки на другую, что казались совсем одинаковыми.

—

Любая. Все служанки в нашем дворце носят имя Лемин. А мужчины, стражники, Люмиад. Легко запомнить? Теперь я вас оставлю. Перед встречей с Лянзарой мне тоже необходимо привести себя в порядок.

Кивнув, Саира побежала вниз по лестнице, на ходу добавляя, что пошлёт за ними кого-нибудь или придёт сама, чтобы проводить на ужин и познакомить с Ифхалом, Владыкой Вечных Дюн, отцом Саиры.

—

Следуйте за мной, Лун Дар, — одновременно произнесли Лемины и разошлись в разные стороны, уводя за собой Анэль и Яомина.

—

Что значит Лун Дар? — спросил Яомин, поспевая за служанкой вверх по лестнице.

—

Гость, для которого наш дворец станет домом, — служанка распахнула двойную дверь и жестом пригласила Яомина внутрь. — Ваш эльтар.

Яомин догадался, что это значение слова комната, но на языке Зафрита. Лучи закатного солнца падали на полукруглый балкон, с видом, что манил, поигрывая шёлковыми занавесками.

У подножия дворца раскинулся огромный лес, и внутри ликана защемило от внезапной тоски. Запах и шуршание прохладной листвы дразнил обоняние и слух, а глаза жадно изучали горизонт. Он почти позабыл, очарованный красотой Зафрита, зачем прибыл сюда. Его народ до сих пор в рабстве. Они не в праве покинуть лес, ставший клеткой. Как псы, в ожидании подачки, обязаны выполнять любую волю Дамина. Оторванный от клана, Яомин оставил своё сердце там, в лесах Авелии.

Костяшки пальцев побелели, сжатые на белоснежном поручне. Все изменится. Здесь он найдёт ответы. Ликаны свободный народ, и он, сын вождя, дал клятву, что сделает их жизнь лучше. Недавнее обещание Сильванимам освободить западный лес не даёт возможности на неудачу. Он обязан исполнить долг.

—

Наполнить ванну? — спросила Лемин.

—

Да я и сам справлюсь, — хмыкнул Яомин, проходя в соседнюю дверь.

Ванной в обычном смысле здесь не было. Возле окна раскинулась круглая купель со ступеньками, и ни намёка на водопровод. Значит, придётся как в норе, таскать воду и греть, но, такой объём наполнить будет сложновато. Почесав затылок, Яомин покосился на служанку.

Улыбнувшись, она подошла к краю, соорудив в воздухе комбинацию символов, коснулась купели, которая тут же начала наполняться водой. Набрав полную, Лемин опустила палец и произнесла заклинание:

—

Целифацир, —

комната наполнилась клубящимся паром, исходящими от горячей воды. — Если нужно прохладнее, только скажите. Я буду рядом.

Такой объём воды для него одного казался нерациональным. Скинув жилетку, Яомин уже принялся за брюки, как в комнате снова появилась служанка, держащая поднос с различными закусками и фруктами. Её не смущала нагота мужчины, она и бровью не повела, на его судорожное возвращение брюк обратно.

—

Если хотите, я могу остаться, — добавила она, поднимая лицо с огромными, чем-то похожими на робкого оленя, глазами. — Помочь справиться с волосами? Потереть спину?

—

Не нужно. Больше ничего не надо. Можешь отдыхать.

—

Как скажете, — она снова присела и беззвучно вышла.

Выждав несколько секунд, он быстро скинул низ и залез в купель, стиснув зубы. Горячо то как! Но оказаться в негляже перед служанкой тоже не хотелось. Многие мужчины на самом деле стеснительны, даже те, что изображают сердцеедов. Яомин никого не изображал, и своё стеснение объяснял уважением не только к себе, но и к той женщине, пусть она всего лишь служанка во дворце.

Знойный воздух теперь казался прохладным. Раскинув руки, Яомин дал себе несколько минут на расслабление. Мгновение перед большой работой. Миг без мыслей перед трудом и долгом. Но последние не сдавались, возвращая его к реальности. Чтобы не вызвать гнев Сильванимов, нужно освободить народ. Чтобы снять обет, необходимо найти не достающие куски информации в библиотеке Зафрита. Но попасть туда можно, только заручившись поддержкой и благосклонностью Владыки. Значит, на первом месте — понравиться отцу Саиры. Лёгкая ли это задача, покажет время. Судя по прогулке в городе, менталитет у их народов очень разный, значит, возникновения недопонимания не избежать.

Солнце скрывалось за горизонтом, и небо приобретало всё более глубокий синий оттенок.

Из распахнутого окна, больше похожего на балкон, доносился расслабляющий шелест листьев и вдруг новый звук, которого Яомин никогда прежде не слышал. Сначала он подумал, что это крик ястреба, но тот пронзительней, а этот ниже и вместе с тем громче. Эхо протяжно отозвалось в стенах и душе ликана – кожа отреагировала мурашками, а сердце волнительно забилось. Напряженно уставившись в окно, он ждал его снова, но всё стихло, лишь ветер гуляет, играя с ветвями и занавесками. Умиротворяющую тишину разбавляли переливы Эрху и мягкого барабанного ритма, доносящиеся откуда-то издалека. Яомин выдохнул и уже прикрыл глаза, погружаясь в воду до подбородка, как услышал необычный грохот. Он привстал, придя в волнение. Такой звук может издаваться тяжёлыми, объёмными крыльями, и сомнения развеялись, когда мимо промелькнула чья-то гигантская тень, а несколько секунд спустя ей вторил крик.

Оставляя мокрые следы, Яомин осторожно приблизился к окну и перестал дышать — над деревьями, словно гигантские тени, летали Теноксы. Огромные, размером с крупную лошадь, а размах крыльев больше нескольких метров! Они слишком стремительно двигались, не давая себя рассмотреть, но Яомин отметил, что крылья некоторых имеют яркое оперение, а хвосты с удлинёнными перьями по краям.

Грохот крыльев раздался совсем близко, и Яомин едва не рухнул на пол, когда один из Теноксов, цепляясь передними когтистыми лапами за перила окна, приземлился и уставился на ликана. Его золотистые глаза отражали свет как отблеск тапетума, переливаясь серебром, а голову венчали похожие на рога белесые уши, с торчащими вверх тонкими перьями.

—

Ничего себе, — не сдержался от восторга Яомин, отходя на шаг назад.

В ответ Тенокс, щелкнул небольшим черным клювом и переминаясь, подвинулся чуть в сторону, при этом поворачивая голову то против часовой стрелки, то наоборот, но не сводя взгляда с мужчины. Круглые глаза чуть накрывали чёрные, похожие на брови перья, добавляя взгляду остроты и жёсткости. Песочного цвета оперение дополнялось черными вкраплениями с белыми отростками.

О существах, похожих на гигантских сов на четырёх лапах, Яомин знал немного, но понял с первого взгляда — это не просто птица. В нём чувствуется особая энергия, почти как в Шпионифусе, но ещё сильнее ощущается интеллект. Тенокс не просто так рассматривает его, он его изучал, но не как добычу или врага. В его взгляде Яомин почувствовал нечто оценивающее, словно Тенокс желал узнать, что из себя представляет стоящий перед ним, в чём мать родила, человек.

Он распахнул огромные крылья и громогласно крикнул, вытягивая шею чуть вперёд к ликану, но Яомин не сдвинулся с места. Его сердце билось сильнее, но ровно, перед огромным Теноксом он чувствовал восхищение. Интуитивно сложа пальцы рук в символ ветра, похожий на крылья, Яомин сделал шаг вперёд, не склоняя головы и не разрывая зрительный контакт. Не складывая крыльев, Тенокс предупреждающе раскрыл клюв, а по его шее заходила клокочущая волна. Яомин остановился.

—

Приветствую тебя, — произнёс он, касаясь кончиками пальцев лба.

В ответ Тенокс как-то особенно фыркнул, а его крылья слегка опустились.

Тогда Яомин решил повторить приветствие, но на этот раз на языке ликанов, и с символом мира. При этом он сделал ещё пол шага навстречу Теноксу, и вытянул руку вперёд, ладонью вверх. Тот уставился на пустую ладонь, с внимательностью хищника, а после, сверкнув серебристым отблеском глаз, распахнул крылья и беззвучно спикировал в густую листву.

От встречи с Теноксом осталось приятное послевкусие. Он ещё долго стоял возле распахнутого окна, слушая Эрху и надеясь на новую встречу. Время тянулось, горизонт окрасился в пурпур, а лес и его обитатели стихли.

Одетый в предложенные свободные штаны и рубаху с широкими рукавами, Яомин растянулся на кровати, рассматривая символы, тисненые по периметру потолка, когда в дверь постучали.

—

Я захожу, — раздался мелодичный голос Саиры и в спустя пару секунд она осторожно приоткрыла дверь, но заметив, что ликан не спит, уверенно зашла. — Думала, ты отдыхаешь. Анэль уснула, её и пушечный выстрел не разбудит!

—

Я совсем не устал. Да и как можно, ведь вокруг столько нового, — отозвался Яомин, садясь в кровати и застыл. — Ты…

Саира преобразилась. От локонов уложенных волос, до кончиков заостренных мягких туфель, сверкающих золотистой нитью — всё говорило о её знатном происхождении. Перед ним принцесса Зафрита, Роза Золотых Песков, и от её красоты захватывает дух. Признаться, Саира всегда была привлекательна, но теперь, когда смуглую кожу открытых плеч оттеняет небесно-голубой шёлк, а прибранные волосы сверкают сапфирами и золотом, девушка и сама сияет ярче любого драгоценного камня. Ликана словно окатило ледяной водой, посылая по коже волны мурашек. Губы Саиры растянулись в соблазнительной улыбке, а глаза, выделенные темными стрелками, по-кошачьи сузились.

—

Потерял дар речи?

—

Эм…ты… Да. То есть, нет, — он стряхнул головой, и виновато отвёл взгляд. — Выглядишь прекрасно.

Пройдя вперёд, Саира встала перед Яомином и задумчиво оглядела его, потирая подбородок. По какой-то причине он не мог смотреть ей в глаза прямым взглядом как раньше, поэтому его глаза постоянно блуждали по комнате.

—

А вот тебе больше подходил прежний образ, наша одежда тебя упрощает. Лемин выдала тебе традиционные одежды повседневного стиля, — Саира села рядом, расслабленно продолжая. — Такая одежда не говорит ничего о статусе своего владельца. Если хочешь, подберём тебе что-нибудь более подходящее?

—

Нет, всё в порядке, — голос Яомина звучал сдавленно. — Я не хочу выделяться.

—

Тогда идём, — Саира схватила руку ликана и потянула за собой. — Отец как раз заканчивает аудиенцию с гостями, его уже предупредили о нас.

Выйдя в коридор, она отпустила руку. Дворец преобразился, погрузившись в вечернюю прохладу и теплый свет огней. Журчание водопадов и фонтанов стало отчётливее, тут и там на ажурных подставках стоят благовония, вырисовывая причудливые дымные видения.

—

Ты говорила, Владыка устроит мне проверку? — спросил Яомин, вспоминая слова Саиры об отце.

—

Да, но ты об этом и не догадаешься. Он не предсказуем, не станет предупреждать. Возможно, он уже начал проверку прямо сейчас? — Саира хитро улыбнулась, закладывая руки за спину. — В любом случае, не переживай. Даже если провалишься, я найду способ тебе помочь.

От последних слов лицо Яомина на секунду просияло.

—

Тогда мне действительно не стоит волноваться. А как прошёл твой разговор с мамой? Или, вернее сказать, с Оазой, Владычицей шёлковых Бурь?

—

Она сердится. На её настроение может повлиять только благосклонность отца, а до его одобрения так и будет смотреть на меня как на врага. Я же без спроса ушла помогать Оскару, сбежала из-под её опеки, оставила гору незаконченных дел.

—

Это каких? Не думал, что у принцессы много обязанностей? — склоня голову, Яомин заглянул Саире в глаза. Голос его стал прежним, он с усилием заставлял себя вести разговор как обычно.

Ответ Саиры был короток и отрывист.

—

В основном, подготовка к свадьбе.

—

Точно, — так же отрывисто сказал Яомин, выпрямляясь. — Свадьба с Оскаром.

При упоминании грядущей свадьбы, внутри ликана что-то скребло. И ещё тянуло. Возможно, дело в традициях. Ликаны не оставляют свою любовь, как это делает Оскар. А может, он просто завидует. Такая девушка заслуживает большего внимания, чем дарит ей Оскар.

Некоторое время шли молча. Навстречу им попадались Лемин, что с любопытством рассматривали гостя и шептались за спиной, а также несколько Люмиадов, совершавших обход. Лица стражей оставались каменными, но взгляд выдавал такой же сильный интерес, как у служанок. Проходя через сад с сияющим в свете огней фонтаном, над головой раскинулось небо,

переходящее от синего в фиолетовый, с проблесками первых звёзд. Яомин закинул голову, любуясь ими. Его остановило касание ладони — Саира вдруг оказалась впереди. Он опустил глаза, та отпрянула, как от огня, и нервно заморгала.

—

Чуть не забыла, — её голос перешёл на шепот. — Хочу попросить не рассказывать отцу о том, что произошло.

—

О чем именно? — в тон ей прошептал ликан. — Я уже говорил, что не поставлю тебя в неловкое положение перед семьёй, и моё обещание в силе.

—

Меня не было в ваших разборках, тогда, в лесу Авелии. И после, в Воющей расщелине. Если они узнают… в общем, для всех будет лучше, если они останутся в неведении. И ещё. Ты никогда не видел символ на моей спине!

Кивнув, Яомин снова отметил, как преобразилась Саира. Оттеняя небо, её наряд приобрёл загадочность и манящую глубину, а привычный тёплый оттенок кожи и глаз стал холодным и притягательным. Даже каштановые локоны, словно впитывая небесный свет, отливали иссине фиолетовым. В груди ликана сердце сделало кувырок, заставив прокашляться.

—

Хорошо. Нет проблем.

—

И лучше напрямую не говорить о твоих возможностях. Нужен особый момент, когда отец уже будет расположен к тебе, — почти извиняющимся тоном добавила Саира.

—

Тогда мне придётся что-то придумать о причинах своего визита, — губы ликана растянулись в мимолётной улыбке.

—

Скажем так, ты друг Оскара, изучаешь побочные расы и полукровок. Сейчас работаешь над ликанами, путешествуешь по всему Оремидору, а в наших библиотеках ещё не имел возможности бывать.

В тени аркады показались пара стражей и Саира потянула Яомина за рукав, чтобы продолжить путь. Идея начинать знакомство со лжи ему совсем не нравилась, но ничего не ответив, он задумчиво шёл рядом.

Приближаясь к месту, где ожидал Владыка, огней становилось всё больше, как и Люмиадов, что сменили мирные посохи на остроконечные пики и сабли. Стражи, как и Лемины, носили широкие штаны и рубахи, но вместо пояса их грудь стягивал кожаный доспех. Головы укрыты легкими вытянутыми шапками, скрывающие верхнюю часть лица маской в форме глаз и клюва Теноксов.

Пройдя с десяток риад, с журчащими фонтанами и отдыхающими придворными, они вышли в широкую аркаду с винтовыми колоннами, соединенными ажурной ковкой из тёмного металла. Высокие двустворчатые ворота из светлого дерева также украшены тонкими филигранями.

Стоящие у ворот Люмиады скрестили наконечники пик, и безмолвно смотрели поверх Саиры и Яомина.

—

Значит, гости ещё внутри, — пояснила Саира, уходя в сторону, где стояли пара длинных диванов с вытянутыми подушками. — Нужно подождать.

Буквально минуту спустя, стражи бесшумно отступили в разные стороны, дважды стукнув о каменный пол тупым концом. Ворота распахнулись, впуская внутрь Оазу Владычицу, в

сопровождении двух стражниц. Лянзара и глазом не повела на ожидающих Саиру и Яомина, и ворота за ней с легким стуком закрылись.

—

Родись я принцем, передо мной бы все ворота были открыты. Наследников с юных лет готовят к правлению и тягу к знаниям всегда поощряют. А ещё им не запрещено путешествовать, изучая соседние страны, — с обидой в голосе произнесла Саира, отщипывая ягоду с грозди, извивающейся над головой. — Наследник без принуждения выбирает себе жену, или несколько, и подготовка к свадьбе для принца – это трёхдневная молитва и омовение перед брачной ночью.

Её раздражали правила, которые ущемляли права женщины. Однако Лянзара не раз говорила, что это только условности, и после брака супруги разделяют власть поровну, а значит, всё, что можно мужчине, разрешено и женщине. И даже в плане нескольких партнёров. Поэтому Исар не завёл себе других жён — не желал делить Лянзару с кем-то ещё. Таким образом Владыка, совершая поступок, всегда помнил, что его супруге будет разрешено поступать также. Их отношения — пример равновесия, и мужчина обязан балансировать, чтобы семья находилась в гармонии.

Но для Саиры было слишком много «НО». Оскар, хоть и надежный партнёр, но маг только на половину. Его жизнь сейчас наполнена яркими событиями, да, иногда опасными, но приключениями, а Саире приходится сидеть дома и готовиться к браку, изучать ненавистную бытовую магию. К тому же, она прекрасно понимает, что от женщины ждут в первые годы замужества – наследников. Дети, прямо так скажем, совсем не то приключение, о котором мечтала Саира, а Оскар, в разговоре о наследниках вообще уходил от темы. Ему или не интересно, или есть свои соображения, но уклончивость и холодность не давали возможности обговорить.

—

Женщина – украшение мужчины, его корона, его сила, — тихо начал Яомин, так, чтобы стражи не слышали. — В наших традициях девочка – благосклонность предков. Её холят и лелеют, потакают капризам, и до двенадцати лет девочкам можно всё, что и мальчикам. В двенадцать многие приобретают дар луны, и мальчиков начинают воспитывать в большей строгости, а девочек учат женской мудрости. Можно сказать, и тут наши обычаи схожи, но мальчикам вместе с силой закладывают заботу и доброту. Нас учат быть внимательными, чтить матерей и жён, и не забывать рядом с ними о силе. Все-таки, достанется обоим, когда пальцы станут когтями, а зубы острыми как бритвы. А женщины яростнее мужчин рвут глотки.

Внимательно слушая, Саира рассматривала лицо Яомина. Он прибрал бороду, изрядно подросшую за время приключения в лесах Сильванимов, и переплёл несколько кос, потуже завязав в хвосте. Он улыбнулся, обнажая белые клыки. На щеках пролегли мягкие складки. Заметно, что он взволнован, но хорошо держится. Интересно, его тоже отвлекает подобный разговор от более тяжёлых мыслей?

—

А после замужества? Какие традиции в семьях ликанов?

—

Хм. Ну, если тебя интересует тема приключений, то здесь очевидно. Мы не в том положении, ты знаешь, что нас держит… — он нахмурился и скрестил пальцы рук. — В остальном, для ликанов благополучие на первом месте, а женщина – главный источник. Все обязанности пополам. Если в путь, то вместе. Не существует женских или мужских дел. Не могу знать всех тонкостей женского воспитания, но семьи ликанов редко живут не в гармонии и ещё реже разводятся. Но если такое происходит, то чаще по желанию женщины. Многоженства у нас нет, и мужчины с юности настроены на верность и любовь к единственной женщине. Как правило, если семья ликанов распадается, оба остаются одиночками. Приятель деда развелся и часто говорил о незримой связи, что тянула его всю жизнь. Не смотря на развод, он продолжал быть

к ней привязанным, что ли. Вроде, как и его супруга испытывала то же самое, но гордыня не позволила ей вернуться. Так и жили, с тоской глядя друг на друга, связанные незримой

Нитью.

При упоминании похожего на её состояние понятия, Саира пришла в волнение и поерзала на месте, покосившись сначала на стражу, а потом на ликана.

—

Как интересно ты назвал это – Нитью.

Хмыкнув, Яомин прищурился, почему-то особенно внимательно изучая её лицо. В который раз за сегодня он смотрит так пристально, что Саира не находит себе места. Ей приходится метаться между двух состояний — себя настоящей и принцессой Зафрита. Ещё на корабле Саира осознала, что с Яомином перестала притворяться и носить любую броню, защищаясь от неудобств окружения. Тогда как в собственном доме, перед матерью и отцом, необходимо одеть маску. Стать той, кем её хотят видеть родители. Но это притворство накладывает неудобство, и Саира чувствует себя гостьей в собственном доме, робеет и стесняется. Перед отцом такое поведение неприемлемо. Нужно собраться и вести себя как обычно, стать Розой Золотых Песков.

—

В одном из наших преданий говорится, что истинные союзы отмечены Нитью Фатир. Отмечены богом, так скажем. Но его нить соединяет не только любовные союзы. Это может быть и кармическая связь, а иногда вообще злой рок, что к счастью крайне редко среди ликанов.

—

И как понять, что означает нить? — нащупав связь, по бедру к коленям Саиры пробежали мурашки. — Есть способ отличить злой рок от любви?

—

Снова пристальный взгляд. Стараясь спрятать интерес, Саира потянулась за новой ягодой, нависающей над ухом ликана, и как можно более невозмутимо её сорвала. Он проследил за её действиями и отвернул лицо, рассматривая стражу, сменяющую караул. Сердце отчего-то вновь пнуло изнутри. Раньше разговоры с Саирой не вызывали ничего такого.

—

Не знаю, но говорят, нить пропадает, когда двое выполняют предначертанное. Или остаётся на всю жизнь.

Теперь очередь Саиры хмыкать. Что же означает их с Яомином Нить? Можно ли верить чувствам, которые заполняют её, но так похожи на влечение?

—

Ангра! Везде какие-то загадки! Неужели нельзя разложить всё по полочкам, без утайки и размытых смыслов?! — её повышенный тон рассмешил Яомина.

Стража расступилась, трижды ударив тупыми концами пик, ворота раскрылись. Одетые в легкие струящиеся ткани, ступая грациозно как танцовщицы Эйфейрин, группа людей в капюшонах беззвучно покинули зал приёма. Те самые, что причалили перед их прибытием. Длинные накидки некоторых имели зеленоватый оттенок с изображением герба в виде круга, кинжалов и змеи, совсем как на флаге корабля. Яомин прищурился. Среди благовоний дворца он почувствовал знакомый аромат, что исходил от удаляющейся группы.

—

Каражаман

, — произнёс старик, вышедший им вслед, и разведя руками, поднял поток воздуха, посылая его вдогонку уходящим гостям. — Батибат, батибат. Не возвращайтесь, с такими речами вам нигде не будут рады. И что за люди пошли.

Заметив сидящих в стороне Саиру и ее гостя, упёр руки в бока и нахмурился. Вид старика походил на сердитого садового гнома. Уверенно шагая им навстречу, старик гремел:

—

Явилась не запылилась. Ваалберит тебя побери, Саира Фахшан–Илос!

Ростом с подростка, седые взъерошенные волосы, смуглая как у Саиры кожа и карие, почти чёрные глаза — Яомин невольно оценил его внешность, но выпрямился, решая, что за важная птица перед ним. Неужели это и есть Владыка Исар?

—

Анфаан, — улыбнулась ему Саира, делая шаг навстречу. — Как твоё здоровье?

—

Ты мне зубы то не заговаривай! Мелифра мать твоя, а не Лянзара! Сколько можно! Опять всех обманула!

—

Меня так долго не было, и это всё, чего я заслужила от старого друга? — Саира лукаво улыбнулась, протягивая старику руки.

Он помялся, но всё-таки принял её жест и сменил гнев на милость.

—

Исар не в духе. Тебе придётся применить всё своё обаяние, чтобы вывести его из этого состояния, — совершенно другим тоном произнёс старик, и заметив Яомина, кивнул. — А это кто?

—

Друг Оскара. Я позже вас получше познакомлю, — уклончиво ответила Саира, шагая в сторону зала. — Ты останешься или уходишь?

—

Я пойду. Нужно уладить пару дел, с этими…союзничками… Ох и Гарда. От них так и веет нечистой совестью.

—

А кто это? — Яомин уже стоял за их спинами, и вежливо улыбался.

Вздрогнув от неожиданности, старик задрал голову, чтобы смотреть в глаза ликану.

—

Так, заморские гости. Если Исар захочет, то расскажет о них. А теперь я пойду, Саира. Третий наперстник куда-то запропастился, и на мне лежит двойная забота. Я теперь чаще на окраине леса, чем в своей башне. Теноксы последнее время ведут себя неспокойно, да и по городу расползаются разные слухи, — сказав это, старик смерил Яомина взглядом. — Забегай в гости, как будешь свободна. И друга приводи.

—

Как раз хотела познакомить его с нашими крылатыми друзьями. До встречи.

—

Удачи тебе, Роза пустыни.

Старик приложил пальцы к груди, ко лбу и послал в сторону девушки. Та ответила мягкой улыбкой и позвала за собой Яомина. Их путь лежал через проход, прямо к трону, по форме похожему на месяц. Стены, по мере приближения к трону, становились всё ниже, и только выйдя в полукруглое пространство, стало понятно — по обе стороны от них расположены трибуны, как в древнем амфитеатре.

Обитый золотом трон пустовал, а пару мест в амфитеатре скраю занимали писцы. Не обращая внимания на вошедших, они быстро скребли перьями, записывая слова высокого мужчины. Тут уже Яомин не сомневался, кто перед ним. Он в раздумьи ходил туда-сюда, и не смотря на возраст, держал спину прямо и крепко, голова с каскадом черных волос, без признака седины, завязанных во множество кос. Он потер лоб и остановился, шумно выдохнув.

—

Ту-ту-ту, — запрокинув назад голову, несколько секунд рассматривал потолок с узорами, похожими на солнце, а после продолжил. — Отказано безапелляционно, ввиду неприемлемости для суверенитета и устоев Зафрита. Ввести запрет на торговлю и деловые отношения, до внесения ясности путём переговоров.

Наконец заметив вошедших, Владыка Исар повернул к ним лицо. При виде дочери, черты его смягчились, пусть он и попытался навести туч, хмуря брови.

—

Сообщите королю Люсторану об этом визите во всех подробностях. Вы свободны, — махнул он писцам и те, шурша пергаментами, засобирались.

Пользуясь нерасторопностью писцов, Владыка медленно осмотрел дочь и гостя, в особенности зацепившись за рунические надписи, покрывающие часть лица Яомина. Судя по всему, симпатий он не вызвал. Оставшись наедине, Владыка взмахом руки предложил присесть на места, недавно занимаемые писцами. Сам же остался стоять возле трибуны, расслабленно подперев локтем длинный узкий стол, что проходил по всему периметру нижнего ряда. Места выше не предусматривали ведение записей.

—

Охохо, — начал он, как-то устало выдохнув. — Ну рассказывай, во что ты ввязалась на этот раз? И познакомь нас со своим новым другом.

Яомин отбросил прочь ощущение, что его сравнили со зверушкой. Просто именно таким тоном обычно говорят родители-ликаны своим детям, когда те, вместо того, чтобы задушить зайца и принести его на обед, пытаются того одомашнить.

—

Отец, я ни во что не ввязалась, просто навестила Оскара. Это Яомин, он…

Но Исар прервал дочь, внезапно резко повернув голову и впившись взглядом в ликана.

—

Говори, Яомин. Рассказывай, как ты познакомился с моей дочерью? — его голос был вкрадчивым, будто он уже знает ответ, и легкая полуулыбка, вздернувшая уголки губ, выглядела устрашающе.

От правды в горле встал ком. Причем у обоих. Если отец узнает, что Саира была заперта в клетке ликанов, Яомина ждёт страшная смерть.

—

Я друг Оскара. Мы пересеклись в лесах Авелии, где я изучал побочные расы…

—

И какие же? — снова прервал отец, прищурившись.

—

Ликанов. В тех местах, говорят, их немало, — ответил Яомин, чувствуя, как от лжи напрягается его позвоночник.

—

Верно. Клан Тенебрис известны далеко за пределы Авелии, благодаря своей грязной репутации, — подтвердил Исар.

Тут Яомин приложил все усилия, чтобы не начать улыбаться. Защита от любопытных глаз прекрасно работает, раз о клане и здесь такая молва.

—

Продолжай, Яомин, я весь во внимании, — Владыка обошёл край стола и непринуждённо сел рядом с ликаном, будто старые приятели.

—

Хм, так вот. Я изучал ликанов, а Саира с Оскаром проезжали мимо. Мы немного поболтали, я рассказал об исследованиях, а Саира поделилась своими знаниями.

—

Угу, хорошо, — Исар посмотрел на дочь то ли с любопытством, а может с иронией, и покивал головой. — Что вы делали в Авелии, Саира?

—

У Оскара было задание. Я немного помогла.

—

Кстати, где он сам? Где мой будущий зять? Почему отправил тебя одну, и, не хочу тебя обидеть, Яомин, не пойми с кем?

Ожидая подобного вопроса, Саира приготовила ответ, но, как бывает у тех, кто врёт, поторопилась. Выдала ответ слишком быстро, автоматически, что наводило на сомнение. Сказав, что он в Авелии, Саира даже не подстраховалась предварительно написать Оскару.

Владыка Исар ушёл в задумчивость. В таком состоянии хорошо прослеживался его возраст, он был не молод, разменял шестой десяток, и годы отпечатались не столько на его лице, как в глазах.

—

По моим источникам Оскар успел загреметь в историю, — медленно произнёс он. — Попал в Шадур за измену, но сбежал. Люсторан в ярости, а я в смятении. Стоит обсудить этот вопрос чуть позже, когда останемся наедине. Что касается твоего нового друга, — Владыка повернул лицо к Яомину и похлопал его по плечу. — Пожалуй, продолжим разговор за ужином. Но, кажется, с вами была ещё одна девушка?

Он оглянулся, будто она могла стоять где-то не замеченной.

—

Анэль страдает морской болезнью и отдыхает после дороги, — уточнила Саира. — Если хочешь, я схожу за ней.

—

Нет, пусть отдыхает, потом расскажешь мне, как маг огня стала твоей подругой.

Исар поднялся на ноги, приглашая за собой Яомина.

—

Откуда ты знаешь, что она маг огня? — Саира поднялась следом, мило улыбаясь, и радуясь, что тяжелого разговора удалось избежать.

—

Я почувствовала.

Голос Лянзары раздался сзади и сверху, заставив обернуться всех, кроме Владыки, который наверняка знал, что его Оаза здесь. Одетая в иссиня-чёрное платье, Владычица медленно спускалась по лестнице, собрав кисти рук в ракушку на уровне живота.

—

Она не случайно оказалась в нашем дворце. Я ощутила в ней свою силу, и собираюсь сделать девочке предложение, от которого она не сможет отказаться.

Догадавшись, о чем речь, Саира приоткрыла в удивлении рот. Интересно, как на это отреагирует Анэль?

Поравнявшись со всеми, Лянзара впилась взглядом в Яомина, словно могла прочитать его душу.

—

Кто ты, Яомин?

Вопрос прозвучал почти нежно, с нотками удовольствия от его неудобности. Стараясь не волноваться, Саира сдерживала желание закусить нижнюю губу. Появление матери не сулило ничего хорошего, и всё в её внешности говорило о доминировании. У Лянзары был особый талант, к которому она прибегала крайне редко.

—

Что вы хотите узнать, почтенная Оаза? — склоня голову, отвечал Яомин, сохраняя ровное дыхание.

—

Какую магию ты несёшь? — скривив пухлые губы, уточнила Лянзара. — Ведь ты не маг. Можешь не выдумывать новую ложь. В этом дворце, как и во всём городе, у меня глаза и уши на каждом углу. Думаешь, прозвище Ахвинахви и Батибат дают каждому, кто ступает на земли Зафрита?

Шумно выдохнув, Саира приготовилась объяснить маме, кто такой Яомин на самом деле и попутно извиняться перед отцом. Но внезапно Яомин совершил сразу два практически сумасшедших действия — сбил отца и Саиру с ног быстрой подсечкой, а сам кинулся на Владычицу и повалил её ниц, прикрывая своим телом. Свист рассёк пространство, и в трон врезались сразу несколько стрел.

Стража метнула куда-то вверх копья и кинулась в погоню.

Саира ощутила жгучую боль в плече, но схватившись, ничего не обнаружила, зато из плеча Яомина, как раз в том месте, окрапляя ткань алым цветом, торчала стрела.

—

Вы правы, Оаза, я не маг, — хрипло произнёс он, заваливаясь набок и теряя сознание. — Я ликан.

Глава 6. Окрестности Санкт-Сангвии. Ложная судьба.

Ранение Мусони затянулось быстро, благодаря магии и примочкам шаманки. Оказывается, лечить они умеют не хуже лекарей, которые знают сотни заклинаний и способов заживления ран и болезней.

Скоро встал вопрос, в котором мнения разошлись. Окончательно придя в себя, Мусони хотела лишь одного — спасти родителей из магической ловушки. Чтобы без посторонней помощи достигнуть результата, ей необходимо освоить Порталогию. В идеале, в короткие сроки. А ещё лучше просто привести туда уже опытного порталога с просьбой помочь. Второй вариант был настолько привлекателен, что Мусони согласна была и на Рексану. Только последняя ни за что не станет помогать им, и ко всему, она на стороне королевы.

Оскар понимал риск и последствия, что ждут его в Соулграде, но обещал себе вернуться и понести наказание. Он и не надеялся, что выполнение задания с Наследницей смягчит его участь, тем не менее, долг обязывал его вернуться.

В спор ввязалась Мирия и внесла смуту, сказав, что для Мусони нет места ни в Соулграде, ни где-либо ещё. Она повторила предрекаемое ранее, но совсем другим тоном, от которого даже у элурантропа леденела кровь.

Разрушение и смерть.

Зная о происшествии в Авелии, шаманка продолжала утверждать, что видение ещё не свершилось.

—

Приняв проклятие медальона, назад дороги нет. Они едины, и никакие слова доброй воли не заставят слезу дракона отказаться от связи, — твёрдо сказала Мирия. — Обучение порталогии только приблизит видение духов. Нельзя этого допустить, Оскар.

Расположившись на крыльце, они сидели бок о бок на лестнице и курили. Шаманка вызвала Оскара на разговор, пытаясь выяснить их дальнейшие планы, пока Мусони спала наверху.

—

Почему ты считаешь, что последствия выброса магической энергии в Авелии не считается?

—

Вот всегда так! — развела руками Мирия и покачала головой. — Вам только факты подавай! А поверить на слово сложно? Говорю, не оно, значит не оно!

—

И почему только пророчества всегда о плохом… — Оскар задумчиво выдохнул клубы синего дыма. — Если она не станет порталогом, то ничего не случится?

—

Вероятно. Хотя видения очень трудно трактовать, на самом деле, — она тоже выпустила дым, и воздух наполнился ароматами мёда. — Нужно уметь абстрагироваться, отпускать свои суждения. Я ведь не оракул. Не знаю как, но связь видения с тремя словами – Мусони, Соулград и портал, а дальше…

—

Разрушение и смерть, — закончил за неё Оскар.

—

Именно. И поэтому в общих интересах держать её подальше от этого. Нельзя ей изучать порталогию, как и в Соулград нельзя!

Вот только после пробуждения Мусони, шаманку как подменили. Не особо разговорчивая, она совсем ушла в себя, но в спорах про Соулград принимала весомое участие. Именно

Мирия подкинула идею воспользоваться услугами порталога для освобождения родителей, и Рексану подтянула. Будь на месте Оскара кто-нибудь другой, он и не заметил бы, как шаманка пытается манипулировать. Делала она это, мягко говоря, неумело, особенно учитывая недавний разговор на крыльце. И будь на её месте кто-то менее близкий, Оскар давно заставил бы его говорить в чём причина. Мирия прятала взгляд и в целом вела себя подозрительно.

Почувствовав союзника в лице шаманки, Мусони хотела пойти своей дорогой и самой решать дальнейшую судьбу. После долгих разговоров она согласилась добраться до Соулграда, но слепо довериться мнению Оскара не желала.

—

Вовсе не обязательно оставаться под крылом одного из монархов. Некоторые маги и сейчас соблюдают нейтралитет, — сказала Мирия, и её слова воодушевили Мусони.

—

Король способен помочь тебе. На его стороне много порталогов.

—

Как и королева. К тому же, у неё на службе моя сестра. Возможно, ей понравится идея найти маму. Могу предположить, что она дочь Кейлис… — рассуждала Мусони, связывая в целое обрывки рассказов. — Дубнрав говорил, что Кейлис родила девочку. Она инсценировала не только свою, но и смерть дочери. Рексана похожа на неё, и на меня… ведь наши матери близнецы… а отец… Видимо отец Рексаны не Обелиус Брант, раз мы сёстры.

Вспоминая ссору Кейлис и Элгианты, Мусони понимала, что окончательный раздор произошёл из-за Авандера. Он не может быть отцом Рексаны, с его слов, он никогда не испытывал чувств к Кейлис.

—

Рексана последний союзник, к которому ты можешь обратиться… — не соглашался Оскар. — Если жизнь дорога.

—

Я сама решу, хорошо? — прервала Оскара Мусони, начиная раздражаться.

Оскар не знает всей ситуации, а острие меча Сильванима будто до сих пор направлено ей в сердце. Прекрасные создания вселили в неё не только восхищение, но и ужас. Рассказать Оскару о ментальной встрече с Сильванимами, о заключенном договоре, она не решилась.

—

Мирия, видимо забыла, кто предал нас в воющей расщелине? На чьих руках смерть Итана?! — Оскар не выдержал, поднявшись на ноги, нагнулся над лицом шаманки. — Перечислить тебе список её заслуг в Соулграде? Сколько жизней погубила Рексана, находясь в поиске медальона? Да она и слова не даст сказать Мусони. Скорей примет её за угрозу и сразу уничтожит. Безопаснее обратиться за помощью к королю, но, если ничего не выйдет, и договориться с монархом не получится, я помогу тебе. Пойдем к Рексане, у меня есть личные счёты с этим порталогом.

Такой вариант устроил Мусони, ведь если признаться самой себе, разлучаться с Оскаром не хотелось. Внутри всё леденело при мысли о разлуке.

Покинув дом шаманки, они направились в порт Санкт–Сангвии. Оскар сказал, что там есть корабли, отплывающие на Соулград. Замаскированные под небольшие судна, они выглядят привычно, но на самом деле любой корабль в мире магов, набирая скорость, мог летать. Именно на таком корабле они имели честь потерпеть крушение.

Как обычно, шаманка забралась поглубже в лес, и выбраться хотя бы к дороге — несколько часов пути пешком. Время становилось врагом. Молчание, повисшее в воздухе, не разбавляли весенние трели птиц. Оно тяготило, ведь рядом с Оскаром не хотелось молчать, но общих тем не находилось. Между ними пропасть, в обличии недосказанности и обид, но

и сейчас, стоя на краю, она хотела сближения, всё внутри тянулось к нему, и болезненно раздирало на кусочки.

Поднимался ветер.

—

Может, расскажешь, что произошло после той ночи? Когда на меня пало проклятие, — начала она осторожно, но с того вопроса, что бил больнее всех.

Сосредоточенное на собственных мыслях лицо Оскара, вдруг ожило. Обычно Мусони не могла прочитать его эмоций, но сейчас, он будто не скрывал чувств за маской холодности. И без слов понятно — рассказать хорошего нечего. Мрачная тень, что накрыла его, красноречивее рассказов.

—

Все так плохо? — предположила она.

—

Думаю, мало что из произошедшего тебя порадует. По моим ощущениям, я потратил время впустую, — холодно отозвался он, кидая на Мусони долгий взгляд. — Лучше расскажи, как вышло, что ты стала невестой Лорда?

Вероятно, лицо Мусони, которая так и не научилась одевать маски, сказало Оскару много, но без деталей. Если сопоставить их вопросы, можно ли подумать, что этот вопрос больше всего волнует его? Оглядываясь на прошлое, она неожиданно сделала вывод, что Лорд не так и плохо с ней обращался. Зачастую она выводила его из себя и получала ответную реакцию. Сегодня она поступила бы разумнее.

—

Извини, если тебе неприятно вспоминать об этом…

—

Нет. Всё нормально. Если честно, исключая некоторые моменты, когда Лорд пользовался своим опытом и властью, моё пребывание в обители спокойствия не было ужасным. Что касается статуса невесты… — Мусони в который раз осмотрела алые следы, ожог, что остался на пальцах. — Он обещал найти моих родителей и преуспел. Взамен я должна была выйти за него. Вот только он обманул, не освободив их, но быстро получил по заслугам…

—

Его смерть так радует тебя? — спросил Оскар, заметив, как губы девушки растянулись в улыбке. — Если ничего ужасного не произошло, отчего такая реакция?

Перестав улыбаться, Мусони поймала на себе осуждающий взгляд Оскара.

—

Я не хотела за него замуж!

—

И только?

—

И только?! — повторила Мусони, округлив глаза. — Представь себе! Как любая девушка, я хочу выйти замуж по любви, а не по принуждению! И только…

—

За Томберга? — зачем-то спросил Оскар, и тут же, прокашлявшись в кулак, добавил. — Кстати, ты не в курсе, где он? Вроде пропал после бала.

Точно, Томберг. От неожиданности Мусони встала как вкопанная, и перестала дышать. Она не убедилась, что с другом всё хорошо! А если не получилось, и он как прежде скитается в облике ужасного монстра? Почему не покидает ощущение, будто она где-то ошиблась? Мусони подняла руку и рассмотрела кольцо, подаренное Томом.

—

В чём дело? — остановился Оскар, жалея о вопросе.

—

Ты не знаешь… Он стал экскрантусом. Обратился по моей вине. Но я его излечила… вроде бы…

Не испытывая симпатий к этому парню, Оскар терпеливо ждал, когда пройдёт потрясение.

—

Жених из него теперь никакой, — с ноткой сарказма произнёс он и вздохнул. — Почему ты винишь себя в его обращении? Может, расскажешь, как это вышло.

—

Лорд умело играет на эмоциях. Чтобы обладать медальоном, он был готов на всё. Я с самого начала говорила Тому об этом! — вздохнув, она возобновила шаг.

Снова молчание. Нет уж, раз начали разговор, не стоит его так бестолково сворачивать. В подробностях рассказав, как Том превратился в Экскрантуса, и многократно убеждая себя, что излечила друга, Мусони задала неожиданный вопрос:

—

А когда ваша с Саирой свадьба? Вы давно обручились, почему дальше не пошли? Передумали?

Хотелось спросить грубо и напрямую — любишь ты Саиру или нет? Но никак.

Оскар вскинул брови, искоса посмотрев на Мусони. Она стала смелее, или безрассуднее? Тьма открывает неожиданные стороны личности.

—

Откладывается по разным причинам, — размыто ответил он.

—

А может, не судьба? — хмыкнула Мусони, рассматривая перистые облака, подгоняемые ветром.

—

Может, — совершенно неожиданно кивнул Оскар.

Может его судьба другая! Может это я… Нет, бред! Почему нет? Снова считаешь себя недостойной? — роились мысли в её голове.

—

Перед долгом я человек подневольный, что скажут сделать, то и делаю. Велят жениться — женюсь, прикажут разрешить конфликт, буду стараться изо всех сил.

—

А если скажут убить...? — Мусони прикусила губу, задумавшись над желанием Сильванимов.

Ответ вышел затянутым. Оскар задумался.

—

Я стараюсь не убивать без острой необходимости. В этом случае могу пойти против приказа.

—

Почему?

Снова затянутое молчание. Оскар размышлял, насколько можно довериться Наследнице Отваха. Она приняла тьму, и пусть медальон не с ней, они остаются связаны. По мнению Мирии он может влиять на неё, но пока нет подтверждений, кто кем управляет. Редкий случай, когда магия работает не по канонам, Оскару хотелось разобраться и помочь ей, если возможно. Ведь большинство магов боятся исключений, опасаются и отталкивают тех, кого не могут понять.

Чтобы помочь ей, нужно сблизиться и заполучить доверие. Проблем возникнуть не должно, ведь как ни крути, корень тьмы — слеза дракона, и он не близко.

—

Для Элурантропа кровь людей на руках может обернуться в неконтролируемое состояние. Я буквально зверею и теряю над собой контроль. Чем больше убиваю, тем сложнее вернуть в себе человека.

—

И много ты убивал?

Он не ответил. О превращении во льва, Мусони знала лишь на словах, и не имела возможности видеть своими глазами. Она помнила предупреждение Саиры не спрашивать про элурантропию, и сейчас он не собирался продолжать.

—

Почему Саира вернулась домой? — её так и подмывала история их любви, и в тайне она надеялась на разлад.

—

Мы разошлись во мнениях... Саира редко прислушивается к разуму, если на кон поставлены приключения, — тяжёлый вздох. — Потом она решила помочь ликанам стать свободными. В Зафрите надеются найти ответы. Кстати, если лорд мёртв, это не освобождает их от оков?

Последнее Оскар протянул, выражая очевидное размышление.

—

Нет, у ликанов три хозяина. Но смерть Даминов не освобождает от долга, нужно совершить обряд. Причем, если обряд совершит человек, он станет повелевать ликанами, а если ликан, то освободит свой народ.

Неожиданные познания ввели Оскара в ступор, а Мусони продолжила:

—

В библиотеке Лорда была книга, «Дети луны», там всё о ликанах. Я прочитала, когда искала возможную связь Экскрантусами.

Возможно, всё опять складывается наилучшим образом. Побывав в оплоте врага, Мусони могла и не такое узнать и увидеть.

—

Помнишь детали обряда?

—

Смутно. Ведь моей целью был экскрантус… — ответила она и свет в лице парня померк.

В который раз всё свелось к молчанию. Мусони хмуро задумалась над переменами в лице и голосе парня, когда дело касается его невесты. Ветер стал сильнее, а легкие облака превратились в тучи. То тут, то там из-под снега высовывались первые растения, и Мусони с удивлением заметила, что среди них есть полезные, и весьма необычные. Остаётся загадкой, почему прежде она не встречала в дикой природе растения магического мира. Руки так и тянутся заняться сбором, но остановила неожиданная ухмылка Оскара, заметившего азарт в её глазах.

—

Эти растения ты сможешь найти в лесах Соулграда, — добродушно произнес он. — Здесь лучше ничего не касаться. Всё-таки, мы в заповеднике.

А вот первые мошки были весьма обычные, и Мусони хотела пришлёпнуть одну из них, когда та впилась в кожу.

—

Нет. Стоп, — Оскар ловко перехватил её руку и осторожно смахнул насекомое с щеки девушки. — Не стоит гневить Сильванимов.

Его жест так похож на заботу, касание почти нежное, но причина все портила.

—

Этот лес охраняем не только жителями Санкт-Сангвии, но и теми, кто гораздо ближе к природе.

—

Вот-вот! То то же! — пропищал вдруг чей-то голос, похожий на детский.

Неподалёку, сидя в луже из грязи, копошился маленький человечек.

Странный на вид, в брякающей глиняными черепками одежде. Отростки цвета свежей зелени на круглой голове напоминали взъерошенные волосы. Довольно крупные уши торчали в стороны, а лицо с маленькими желтоватыми глазками и носом-картошкой.

Потеряв дар речи, Мусони остановилась и перестала моргать.

—

Что уставились, глазопялки? — человечек упер руки в бока и плюнул перед собой кучку грязи.

—

Ээ…это кто? — шепотом спросила Мусони.

—

Это Териец, — спокойно ответил Оскар, почтительно склоня голову перед человечком. — Представитель стихии земля среди Сильванимов. Есть ещё Аёры – воздух, Ингисы – огонь и Аксу – вода.

Сильваним важно раздулся и изобразил лицо Мусони, вдруг весело рассмеявшись.

Вскинув брови, она ещё раз осмотрела Терийца, сравнивая с теми, кого видела во сне. Те назвали себя Аёрами.

—

А разве они не огромные, будто созданы из льда или ветра, и такие…как бы правильно сказать, могучие? — так же тихо продолжала Мусони, обращаясь к Оскару.

Тем не менее, Териец услышал её слова и недовольно шлепнув ладонями по луже, резко поднялся.

—

Туес (бестолочь)! Это только Аксу и Аёры высокие! — возмутился Териец, тыкая в их сторону пальцем. — Игнисы вообще ерпыли (малорослый), но в схватке поджарят тебе пятки! Что же до нас…

Вдруг земля под ногами задрожала, лишая равновесия и расталкивая путников в разные стороны. Толчки усиливались, будто живая, земля ходила под ногами волнами, то выпирала, то обрушивалась снова и снова. Поддавшись панике, Мусони могла с первой секунды валяться в грязи, но Оскар поддержал её, чудом удерживаясь на ногах куда крепче. Гневливое лицо Сильванима сменила довольная улыбка.

—

И это я не напрягался!

—

А ты Ерохвост (задира), — подметил Оскар, улыбаясь.

—

Знаешь наши словечки, Маракуша (противный человек)?

Хмыкнув, Оскар с бóльшим почтением поклонился Сильваниму.

—

Если так угодно мудрому духу. Мы не желали тревожить тебя, прощай.

—

Так и думал! Ты просто Суемудр! — продолжал потешаться Териец.

На самом деле Оскар знал значение всех слов Сильванимов, более того, он знал их язык, каноны и культуру. Встретить лесного духа не страшно там, где люди не ущемляют их прав. Леса Авелии населяют совсем другие Сильванимы, их души оскорблены, ведь маги и люди регулярно нарушают их каноны и захватывают территорию. Однако Териец ни за что не дал бы

себя обнаружить просто так. Они обладают прекрасным слухом, и этот наверняка чувствовал их шаги задолго до встречи. Только он не спрятался, а специально встал у них на пути.

—

Маракуша, он же противный человек, готов внимательно выслушать тебя, великий Сильваним. А Суемудр, хоть и ложно премудрый, попытается понять, — парировал Оскар, привстав на колено возле Терийца.

Не зная, как себя вести, Мусони стояла позади и молчала. Однако Териец, выслушав Оскара, смотрел больше на неё. Сведя лысые брови, он снова стал недовольным. Неужели ей тоже стоит склонить колено? Но зачем? Она дала слово Сильванимам, что сделает, как они требуют, но те не обговорили сроки. Что будет, если он сейчас заговорит о их разговоре…

—

Я хотел предупредить. И если вы не Королобые, то сообразите, что к чему, — начал он и поглядел своими желтыми глазками на Оскара. — Некоторые из нас сильно разозлились на магов. Обещали, что худо вам сделают. И дышать магам будет тяжко, и жажда будет сушить, да только мы убережем наследие Великой матери.

Он вдруг перешёл на странный язык, и Мусони не понимала, о чем речь.

—

Хочешь сказать, что твои братья готовы пойти войной? — на языке Сильванимов отвечал Оскар.

—

Суемудр, лучше слушай! Война удел Дуботолков (дураков), а мы используем силу стихий! Если маги не остановят Гарду, то некоторые из нас станут Минасом этого мира! В конце концов, осколки Иртноса есть в каждом из нас, но любовь к матери крепче страха. Если маги не смогут предотвратить грядущую тьму, это сделаем мы.

—

Почему ты говоришь это мне?

Териец наклонился к лицу Оскара и произнёс едва слышно:

—

Потому что Гарда за твоей спиной.

Он шагнул назад и за несколько быстрых шагов исчез. Оскар поднялся на ноги и молча закурил сигарету. Пуская дым, он будто забыл, что не один.

—

Что он сказал? — Мусони обошла парня и заглянула ему в глаза.

—

Напомнил, что мы обязаны соблюдать каноны и чтить Великую мать. Идем, я расскажу тебе историю про Сильванимов и их любовь к природе.

Глава 7. Гарда рядом, гарда в тебе.

Вскоре они вышли на дорогу, со всех сторон по-прежнему окруженные лесом. Оскар достал часы компас и сверил направление. Открытая местность давала ветрам раздолье, и гуляя, они продували насквозь. Мирия любезно предоставила свои штаны, что пришлось подвязать бичевкой, и куртку, с загнутыми рукавами. Завершали лук стильные синего оттенка полусапоги и шапка из крупной вязки, цвета одуванчика. То ещё зрелище. Последний раз в таком виде Мусони разгуливала ребёнком, и то лишь по лесу с бабушкой. Но она не жаловалась. Всё лучше, чем великолепное сияющее свадебное платье, напоминавшее о Лорде.

Оскар же чудесным образом сохранял свою черную водолазку, штаны, полуботинки и плащ. В принципе не удивительно, маги и не такое умеют, и бытовая магия упрощает жизнь. Живая встреча с Сильванимом закалила её; того, что может вызвать в Мусони восторг, становилось всё меньше. Хотя то же самое она думала при воспоминании с церемонии бракосочетания, когда под дрожащими ногами возникали ступени, не дающие свалиться с огромной высоты, а до того турнир, перевернувший всё с ног на голову.

В очередном молчании она погрузилась в неприятные воспоминания: когда прощалась с жизнью, ожидая расправы Экскрантуса, или как висела над пропастью, удерживаясь одной лишь рукой за руку Лорда, одевшего иллюзию Оскара. Тут же ожили недели, проведённые в заточении, в одиночестве, без магии и планов на будущее.

Мусони обернулась назад, улыбнувшись. Всё это в прошлом, она справилась. *Сама. Ей никто не помог.* Не пришёл на выручку ни Том, ни Оскар. Она украдкой взглянула на него, идущего рядом в собственных мыслях. Ведь и с Лордом она справилась самостоятельно, своими силами, проявив упрямство, о котором ей твердила бабушка. Она подготовилась и выиграла. Спасла Оскара, излечила Тома! Столько всего совершила, что и дальше сможет. Раньше она не верила в себя, считала себя слабой, считала себя не достойной — никем.

Но посмотри. Это всё благодаря тебе. Бри корчилась от боли и могла умереть, тогда, на празднике Дамилалуса. В том диспуте Мусони снова вышла победителем. А сколько раз она удивляла старика. Конечно, не всегда в хорошем смысле, но всё же. Он отмечал, что её обучение происходит быстрее, чем ожидалось. А ещё тренировки на манекене. Дубнрав признался, что ему не по силам заклинания, с которыми Мусони хоть не сразу, но справилась!

В конце концов, я видела страх в глазах сильнейшего мага Авелии. Минимум трижды радужка его глаз становилась белой, почти прозрачной, — вспоминая, как могла противостоять воле амулетов Лорда, губы Мусони снова растянулись в улыбке. — *И где он теперь?*

Из задумчивости её вывел пристальный взгляд на пару со звуком двигателя и шелестом колёс по асфальту. Оскар смотрел на её ехидную, наполненную высокомерием улыбку, гадая, чем же она вызвана, и невольно сравнивая с той, другой Мусони. Скромней, открытей и добрее. В целом она была нежнее, что ли, от неё не исходило лукавства или тайн. Гостеприимство Лорда всё же отпечаталось на ней? Или это отголоски тьмы?

Машина медленно затормозила. За рулём оказался мужчина, с неподдельным интересом рассматривающий обоих.

—

Подвезти?

—

Не откажемся, — ответил Оскар, и после одобрительного кивка мужчины открыл для Мусони заднюю дверь.

Оказавшись внутри, она посмотрела на незнакомца и всё внутри сжалось в тугой комок. Оскар обходил автомобиль сзади, чтобы сесть рядом. Внезапно машина заревела и дёрнулась

вперёд. Всё внутри Мусони оборвалось от страха. Сердце подскочило к горлу и выплясывало в бешеном ритме. Дыхание перехватило, а в мыслях образовался хаос.

Сверкнув зеленоватыми линзами очков, мужчина повернул лицо через плечо, когда машина резко остановилась.

Нет. Это не он. Но до ужаса похож. Вдобавок эти очки, создающие эффект смены радужки глаз…

—

Дурацкая педаль, стоит маленько ослабить нажатие, тут же рвёт вперёд, — пояснил мужчина извиняющимся тоном, когда Оскар открыл дверь.

Мусони заметила, как грудь Оскара вздымается чуть выше обычного, как его ноздри жадно втягивают воздух, а оттенок лица медленно возвращался от сероватого к привычно бледному. Он молчаливо занял место, но губы стали заметно тоньше, особенно нижняя. Даже сбоку видно, как сузились его зрачки, став дикими.

Машина тронулась с места, Оскар смотрел в сторону.

—

Вы что, путешественники? Или заблудились? Я не видел брошенных авто по пути, — интересовался мужчина.

—

Мы из Соулграда, — ответил Оскар, а брови Мусони взлетели вверх.

—

Не слышал о таком городе, — отозвался мужчина, задумавшись. — А в Санкт-Сангвии какие дела?

—

Нам нужен порт, — также простодушно ответил Оскар.

Странно. Раньше всё, что касалось их дел, планов, и тем более магического мира, советовали держать в секрете. По крайней мере так говорил Том, а Оскар не отрицал. Что-то поменялось с тех пор, или эти правила работают не везде? Вслух Мусони только негромко покашляла, но Оскар не внес ясность, по-прежнему глядя в окно.

—

Значит, всё-таки путешественники. Я тоже, в своем роде отношусь к таковым. Три дня в пути. Еду из Авелии. Там, знаете ли, такоооое произошло, — он протянул последние слова, вцепившись пальцами в волосы. — Огромный кусок города снесло под основание! Слышали? Я ехал по границе этого разрушения, как по лезвию ножа! Меня чудом не зацепило, когда рядом обрушился огромный небоскрёб!

—

Ну ничего себе, — без эмоций отозвался Оскар, скользнув мимолетным взглядом по сжимающимся кулакам Мусони. — Вы знаете, чем вызвано разрушение?

—

Говорят, подрыв. Там вроде как торжество какое-то проходило, у местной шишки. Я человек простой, в такие вещи предпочитаю не вникать. Но надо думать, насолил он кому-то по-крупному, раз его ТАК убрали.

Знал бы этот человек, что виновник подрыва в одной машине за спиной.

Лес расступался, и машина медленно взбиралась на заметное возвышение. Санкт-Сангвия встречала их блеском металлических крыш. Совсем не похожая на Авелию, вся в золотых тонах, она раскинулась на холме простыми жилыми и офисными домами; только центр города тянулся ввысь — зелёные шпили и небоскрёбы причудливых, изогнутых форм с пёстрыми стёклами. На общем золотом фоне эта зелёная сердцевина смотрелась особенно эффектно.

Сердце города не понравилось Мусони. Небоскребы отдалённо имеют схожесть с Авелией, а значит, с Обелиском. А может всё дело в мужчине, чей профиль она старалась не рас-

сматривать. Сходство с лордом, небоскрёбы — как призраки прошлого, что ещё не отпустило, ей всюду виделась угроза.

—

В очередной раз убеждаюсь, что элита – прогнившие люди. В своих разборках они не думают о простых людях, им без разницы сколько будет жертв, — продолжал рассуждать мужчина. — Хорошо, что Санкт-Сангвия далека от подобных. Если бы не землетрясения и северные потоки – не город, а рай. Тихо, мирно, стабильно. Город медленно растёт, уровень преступности минимальный. Что ещё нужно?

—

Капелька магии бы ему не помешала, — отозвался Оскар, и мужчина в ответ хмыкнул.

—

Ну, если рассуждать в пределах разумного, то он и так волшебен. Вон какой, почти как из сказки.

—

Но эфира в нём совсем нет, — тише добавил Оскар и посмотрел на Мусони.

Погрузившись в мысли о разрушении и жертвах, вспоминая алые пятна на белоснежных одеждах и грохот со всех сторон, она сидела белее мела. Снова винила себя, проклинала магию, что не в силах обернуть время вспять. Внутри все холодело, трещало и ныло от чувства вины. Крики то переполняли её голову, то смолкали давящей тишиной.

Её пальцы леденели, несмотря на комфортную температуру в салоне, как вдруг их накрыло обжигающе горячей, немного шершавой ладонью. Опустив глаза, в неверии поморгала несколько раз, прежде чем поднять их в сторону парня.

Он не смотрел ей в глаза — отвернулся сразу, как та вышла из оцепенения. Нельзя допустить, чтобы Мусони занималась пожиранием себя изнутри, и лучшего способа, чем дать руку, сейчас нет. Необходимо замедлить бурю, нужно отвлечь её от тяжёлых мыслей, и не позволить погрузиться во тьму глубже. Есть надежда, что без медальона Мусони научится управлять тёмной магией и не станет кем-то на подобие своего прадеда.

Перестав дышать, Мусони отвернулась в окно, чуть расслабляя напряжение в руках. Тепло расходилось от её пальцев к предплечьям, вызывая приятные мурашки. До конца поездки он не убрал свою ладонь, не давая возможности плохим мыслям вернуться.

В городе машина то и дело глохла, затем рванула вперёд, едва не врезавшись в идущую впереди машину. Мужчина нервничал; Оскар попросил их высадить под благовидным предлогом дела. Совпадение ли это или стечение обстоятельств — дело возникло ровно в тот момент, когда у Мусони протяжно прогудел живот, и они направились прямо в заведение, откуда шли соблазнительные ароматы.

—

Разве можно обычным людям рассказывать о Соулграде?

—

Нет, — улыбнулся Оскар через плечо. — Но разыгрывать не запрещено. К тому же он не запомнил название, и про нас скоро не вспомнит.

Минуя основной зал с немногочисленной публикой, Оскар бесцеремонно открыл дверь с надписью служебное помещение и потянул за собой Мусони. Сидящий внутри парень только на миг оторвался от мониторов, и тут же открыл дверь легким взмахом руки.

Маг. Ну вот — кажется, начинается. Мусони помнила по одному из рассказов, что Соулград находится неподалёку от Санкт-Сангвии, и в пограничном городе магов обычно больше, чем в других местах.

Тайная дверь вела во второй зал — комнату для «избранных». Здесь воздух пах иначе: не менее вкусно, но по-особенному. Люди за длинными массивными столами были одеты в стиль, который Мусони не смогла опознать. Они выглядели не старомодно, скорее игра контрастов:

шляпы с длинными перьями или тяжёлые многослойные юбки в пол сочетались с современными топами или с блестящими неоновыми лентами.

Зал тянулся на два этажа; на втором ярусе, под сенью крыши, тоже сидели гости и тихо переговаривались. Среди угощений особенно выделялись напитки, наполненные живым эфиром — в дневном свете они тихо мерцали, словно подсвеченные изнутри.

Как прилежный ученик зельевара, Мусони знает рецепт не только зелий и отваров, но и подобных напитков, для восполнения энергии магам. Видимо, тонкое замечание Оскара неспроста — магии в Санкт-Сангвии нет. Эфирные напитки особенно популярны в местах с низким уровнем эфира, как Авелия. Хотя один человек в мегаполисе с пиками точно не знал дефицита в силе, и его бездонный источник эфира глубоко под городом тому подтверждение. Мысли о Лорде никак не отступали, и назойливо напоминали о себе.

—

Ого, какие люди, — негромко проговорил официант, ровняясь с Оскаром. — Прости за прямоту, но ты разве не в Шадур должен быть? Я ещё вчера слышал сплетни из Соулграда, и там только и ждут твоего освобождения.

Мягко коснувшись лопаток, Оскар подтолкнул Мусони к свободному столику, а сам остался на месте.

—

Так и есть, скоро узнаете новые сплетни, — ответил он. — Принеси нам фирменное блюдо и… Мусони, ты какой любишь морс?

—

Клюквенный, — не задумываясь ответила она, на что уголки губ Оскара немного дернулись вверх.

—

Кувшин с клюквенным морсом, и узнай, пожалуйста, когда следующий корабль на Соулград.

Такая мелочь. Он спросил, что она любит. Не стал решать за неё, как Обелиск, а заказал согласно её вкусу. В груди стало тепло и уютно. Перекинувшись ещё парой слов, Оскар сел рядом. Не напротив, а рядом, хотя за их столом было ещё три свободных места. Двойное тепло разлилось по телу Мусони.

—

Я давно хотела спросить, по поводу тюрьмы… Тебя же выпустили?

—

Нет. Я сбежал.

Повисла тишина. Новый вопрос так и наровил вырваться наружу.

—

Зачем?

—

Саира вляпалась в историю. Пришлось спасать.

Он ответил честно. Просто, без геройских ноток. Все логично — безопасность невесты его долг, и тут всё более чем понятно! Но! Мусони тоже была в опасности, тоже вляпалась, и даже больше — Оскар лично отдал её Обелиску! Лед сковал пальцы, что Мусони сжимала у себя на коленях. Всё тепло развеялось. Она спасла себя и его. Никто не пришёл ей на помощь. Никто не дорожит ей настолько, чтобы сбежать из темницы и рисковать всем…

—

Мусони, — рука Оскара легла на плечо, но хотелось её скинуть. — Всё в порядке? Ты побледнела.

—

Всё нормально, я просто хочу есть, — соврала она. — Ты сбежал, а значит…

—

Возможно, я снова попаду в Шадур, — кивнул Оскар. — Или сразу на плаху.

—

И ты говоришь об этом так непринуждённо…

Хотелось спросить, что, в таком случае, будет с ней, но остановилась. Оскар не переживает о ком-то, кроме... Кара!

Мерзкое чувство, что руководит её раздражением, липкое и колкое одновременно — ревность. Нужно избавиться от неё, не претендовать на чужого парня, и общение сразу станет непринуждённым.

—

Гарда! — сплёвывая пищу, вдруг выкрикнула пожилая женщина, сидевшая за столиком напротив, и указала кривым пальцем на Мусони. — Гарда!

Некоторые из гостей отвлеклись от разговоров и повернулись в их сторону. Женщина смотрела Мусони прямо в глаза, не моргая и бормоча. От этого слова, брошенного как раскалённое клеймо, стало не по себе, хотя большинство людей смотрели на Оскара. Он оставался непрошибаем, его совсем не тревожат ни чужое внимание, ни палец, всё ещё указывающий на них?

Лениво переведя ледяной взгляд на женщину, он принял дружелюбный вид, а губ его коснулась странная улыбка.

—

Вы хотите что-то сказать? Оскар Эрдол, к вашим услугам.

Палец женщины тут же опустился, а осуждение сменилось извинением. Вот это да. Мусони не знала, что Оскар настолько… влиятельный? С его именем внимание к ним сошло на нет. Внезапная ситуация выбила изнутри всю обиду.

—

Что значит это слово? — спросила она, когда все ушли в свои тарелки и разговоры.

—

Гарда? Темнота или тьма. Обозначение магов, что несут в себе тёмную энергию или тёмный дар.

Ответ Оскара звучал так просто, будто он только и ждал этого вопроса. А может, много знает об этом? Иначе как говорить о гарде, которая перепугала женщину, не придавая ей особого значения — с улыбкой и дружелюбием.

Получается речь о её ауре. Мусони нахмурилась и сложив руки на груди, потупила взгляд.

—

Чудненько… ты не удивлен, а значит, всё знаешь.

—

Конечно знаю, — он вдруг повернулся всем торсом и посмотрел так, что у Мусони перехватило дыхание. — Но ты сможешь управлять своей тьмой. Я верю, ведь Элурантропия тоже Гарда, и я с рождения ношу это прозвище как второе имя. Только оно не определяет мою сущность, понимаешь? Мы сами выбираем сторону, и неважно, достался тебе светлый дар или тёмный. Это не приговор.

Внезапное откровение заставило Мусони раскрыть рот. Она думала, речь о её ауре, а оказалось, всё намного сложнее.

—

Как...? — от непонятного волнения горло сдавило в тиски и голос вышел сдавленно.

—

Почувствуй. Балансируй. Тьма подаёт сигналы, она отдаётся в теле, пытается управлять тобой, — голос Оскара с таинственной приглушенной ноткой. — Существует много способов приструнить тёмную энергию. Лично у меня, это сигареты. Они успокаивают, но, если честно,

я ненавижу табак. Надеюсь, твоя тьма не станет требовать равновесия, и ты никогда не прикоснёшься к этой гадости.

Им принесли пару горячих горшочков и поднос разнообразных закусок. Изящный, наполовину прозрачный кувшин с морсом, стал украшением стола. Официант был не прочь поболтать, но хватило одного взгляда, и того сдуло. Влияние Оскара потрясающе и пугающе одновременно. То чувство, когда осознаёшь, насколько плохо знаешь человека.

—

Но как она узнала? — немного позже спросила Мусони, обратив внимание на ту женщину. — Она видит ауру?

—

Не обязательно ауру. Видеть или чувствовать энергию могут многие маги. Это довольно распространённый дар, хотя с кучей оттенков. Некоторые распознают стихии, другие чистоту намерений.

—

Ты говоришь обо всем так просто, что… раздражает, — призналась Мусони.

—

Моя уникальная способность – быть спокойным и раздражать, — уголки губ Оскара подались вверх.

—

Раньше мне это нравилось… — она прервалась, не закончив речь и поджала губы.

Зачем только она это ляпнула? Ему совсем не обязательно знать, о её чувствах! И теперь он смотрит так пристально, в упор! Хотелось провалиться сквозь землю от стыда. Произнесенный ответ завис в воздухе.

—

Знаю. Я видел.

Брови Мусони взметнулись, дыхание потянулось и замедлилось, словно кто-то спер воздух в лёгких. Её охватило странное, горькое сравнение: Оскар и Обелиск — и в нём не столько сходство лиц, сколько перекликающиеся тени. Внешне они могли быть из двух миров: цели, манеры, голос — всё расходилось. Но были у них общие ниточки, тонкие и незримые: власть, умение считывать чужие настроения, словно читать открытую книгу, и это знание, нависшее над ней, придавало образу Обелиска болезненную близость.

Что касается Оскара, он продолжал раскрываться. Намеренно скидывал броню, подпуская Мусони ближе.

—

Элурантропия дар, позволяющий мне несколько глубже замечать чувства других, это способность зверя. Но я постоянно держу его под контролем. В некотором смысле это ежедневная борьба, ведь чутьё зверя как помогает, так и мешает. Безупречно в решении дел, но в человеческих отношениях возникают проблемы. Я хотел извиниться — мог рассказать раньше, — его спокойный тон заставил Мусони повернуть лицо. Лед в глазах парня стал мягче. — Обычно я не распространяюсь о своём даре, ведь он связан с работой. Но теперь всё иначе.

Он замолчал, разливая в бокалы клюквенный морс — его любимый. Открывать свою душу гораздо сложнее, чем кажется, в горле пересохло, а внутренний зверь рычал и скалился.

—

Почему теперь всё иначе?

Отпив из бокала, он улыбнулся:

—

У меня есть основания сомневаться в добрых намерениях монарха, и потому я хочу помочь тебе.

Набив еду за обе щеки, Мусони пыталась продавить тревожное чувство, а ещё не развешивать уши. Хорошо бы ещё очки одеть, да такие, чтобы не видеть сводящей с ума улыбки. Заметив её возрастающий аппетит, Оскар молча присоединился к поглощению закусок, отчего то время от времени улыбаясь.

—

Я тут подумал, в некотором смысле наши способности похожи, так почему бы не поделиться опытом.

—

Хочешь сказать, будешь для меня…наставником? — улыбнулась Мусони.

—

Вроде того. Если ты не против.

Фантазия Мусони вмиг разыгралась. Боясь спугнуть возможность сблизиться, она ушла в поглощение супа.

К столику подошёл официант.

—

Корабль прибудет через десять минут, а следующий завтра.

—

Поторопимся, или заночуем? — спросил Оскар склоня голову вбок.

Ответом стали шустрые сборы и на ходу доедаемая еда.

—

Мы воспользуемся Узами с портом, — утвердительно сказал Оскар, рассчитываясь за еду парой монет мифрила.

—

Узы теперь платные… — начал официант, но встретив взгляд Оскара, вдруг добавил. — Но бесплатно для правой руки короля…и его спутницы…

Не слышая его бормотания, они прошли за стойку, Оскар дружески кивнул бармену, и вдруг остановился. Кивнув в ответ, бармен непонимающе замер, перестав протирать стаканы.

—

Забыли, где круг Уз?

Челюсть Оскара сжалась, он смотрел не на бармена, а сквозь него, а взгляд наполнился тоской. Настолько сильной, что и Мусони почувствовала.

Он вспомнил о друге, Итане. Тот мог часами натирать стаканы до блеска, рассказывая Соулградские байки. Челюсть свело от нажима и боль привела в чувства. Скинув кусочек брони перед Мусони, он тут же стал уязвим для звериных эмоций, и жажда мести разрывала изнутри.

Не отвечая на вопрос бармена, Оскар возобновил ход, раскрывая одну дверь за другой, пока они не оказались в круглом зале, с начерченной на полу символикой. Похожую Мусони видела в кабинете Обелиска, но та была испорчена огнём.

Разогнав эфир, Оскар прочитал заклинание и символы возле круга засияли ярче. От воспоминаний к горлу Мусони подступила тошнота, когда он, вставая в центр, произнёс:

—

Круг рассчитан на одного. Держись ближе.

Точь-в-точь Обелиск тогда, перед перемещением в Листхейл. Сравнение казалось не столько логикой, сколько ощущением предательства мира: будто сама реальность начала подыгрывать чужой воле, а её жизнь — не более, чем поле для эксперимента. И чем дольше Мусони держала в уме это сравнение, тем плотнее оно давило.

Довольно. Она шагнула в круг, прижавшись к Оскару. Нужно бороться с неприятным прошлым. В конце концов, Обелиск мёртв. Все прошло. Нужно наполнить жизнь новыми эмоциями, и не погружаться в пережитое.

Как и тогда, у Мусони закружилась голова, словно от резкого падения. Вцепившись в Оскара со всей силы, не отпустила переместившись — не хотела отпускать. Она знала, что в отличии от Обелиска, со стороны Оскара не будет никакой мерзости. А призрачная близость так пьянит.

—

Если не поспешим, опоздаем, — напомнил он, однако не скинул рук, лежавших на её спине.

Она оттолкнула навязчивую картину ночи и отпрянула, пошатнувшись. Его рука на её боку не дала ей рухнуть. Убедившись, что Мусони держится на ногах, крепко сжал её пальцы и повёл вперёд. «Может, свалиться в обморок?» — мелькнуло в голове, пока она провожала его спину взглядом.

Порт делился на две зоны; большую часть занимали огромные грузы и перевозящие товары лайнеры. На счастье, пассажирская зона была совсем близко, и кроме них на корабль почти никто не садился. Приток людей из города магов несоразмерен — с корабля сходили беженцы Соулграда. Женщины, дети, старики. Вид у многих был подавленный и безнадёжный.

Оскар замер, отступив в сторону, и прислушался к тихим разговорам: дело плохо, королева снова пошла в атаку, и как всегда использует грязные методы. Люсторан проигрывает бой за боем.

Не зная тонкостей, Мусони без лишних слов поняла — люди сбегают от войны. Стоя чуть за спиной Оскара, она рассматривала двух женщин и маленькую девочку, а внутри всё сжималось. От тоски и боли, что передавалась по ветру, а ещё от своей личной грусти. Лица родителей, их объятия, поцелуй. Смех папы, улыбка мамы, и мгновение магической ловушки — все сплелось воедино и сдавило в груди.

Стоя в порту, словно на распутье двух дорог, она задумалась о правильном решении.

Душа вновь превращалась в глыбу льда, не помогали ни внутренние монологи, ни теплая рука Оскара, как прежде держащая её ладонь. Однажды он бросил её, почти предал. Не вернулся, и не спас. Кроме пустых слов и обещаний нет гарантий, об успехе и спасении её родителей. Внутренний голос противится его предложению, встреча с королем чувствуется как ошибка, но сердце…

Сердце трепещет и поёт прекрасную песню, где расцвела взаимная любовь, нерушимая как гора, и крепкая словно сталь.

Глава 8. Соулград. Люстоpан.

Находясь в жутком раздражении, Король Люстоpан перечитывал очередной доклад. Новое разочарование отпечаталось свежей морщинкой, из груди вырвался усталый выдох. Он ужасно устал от власти. Принятие решений каждый день становилось пыткой. Отложив бумагу, он взглянул на фотографию покойного сына. Какие надежды подавал этот мальчик, насколько сознательным он рос. В нем удачно сочетались честь с храбростью, проницательность и воинское мастерство, а также юность с мудростью — он прекрасно разбирался в людях. И королева Велина ему не нравилась с первого взгляда, но Люстоpан считал, что сын просто не мог отпустить скорбь по матери. Костяшки пальцев рук побелели, сжатые в кулак.

В дверь аккуратно постучали.

—

Войдите, — не сразу ответил король, убирая с лица чёрные сосульки волос.

Власть тянула из него все соки. Еда стала пресной, сон утомительным испытанием, а ванна просто тратой времени, которого постоянно не хватало.

Седовласый советник, покланявшись, прошёл к столу и нерешительно замер. Люстоpан заледеневшим немигающим взглядом уставился в одну точку, в фотографию покойного принца. Кадык советника дернулся вверх, выдавая нервное волнение. В последнее время было слишком много предательства со стороны его бастардов, и тем воспонимания о покойном принце становились лишь болезненней.

Потухший взгляд поднялся на советника, и тот, прокашлявшись, доложил:

—

Новости из замка Эльдория. Королева Велина объявила о скором открытии непрерывного портала с союзниками Аур Серпис.

—

В прошлый раз у неё ничего не вышло. Благо, все достойные порталоги на нашей стороне.

—

Это так, властелин, однако, Велина не скрывает триумфа в голосе, заявляя, что получила наследницу Тарэй и слезу дракона, — почти извиняющимся тоном продолжал советник. — Она без тени сожаления обсуждает произошедшее в Авелии, и не стесняясь связывает катастрофу в мире людей с мощью проводника. И утверждает, что теперь всё непременно получится.

Король вздохнул. Велина своего добилась. Невероятная женщина — не обладая выдающейся магией, она чудесным образом, даже по меркам магического мира, получает желаемое и движется дальше. Что сказать, в Оремидоре больше остальных богинь славят удачу, Тихе. И если ты под её покровительством, судьба склонит голову перед любыми твоими целями. Таких везунчиков стоит поискать. И у Люстоpана такой есть. Вернее, был, ещё недавно он посадил его в Шадур, но тот сбежал. Как будто из Шадур легко сбежать! Тихе и тут ему помогла.

—

Какие ещё новости? — приподнимая брови, спросил Люстоpан. — Что с Эскарионом?

—

Среди погибших в Авелии его нет, — поторопился ответить советник, и Люстоpан с облегчением выдохнул. — Однако теперь его местоположение неизвестно. Мы доложили доверенным лицам по всему континенту о розыске Оскара, в Оремидоре практически нет мест, где его не заметят. Поэтому его обнаружение дело времени.

—

Хорошо. Доставить его в Соулград целым и невредимым. Я сам решу судьбу того, кого возвысил до таких масштабов. Что ещё?

Советник порылся в свитках, разворачивая тот, чей край пылал синим огнём. Округляясь, глаза с невероятной скоростью ознакомились с текстом, и незамедлительно выдал:

—

Только что пришло сообщение из Зафрита. Аур Серпис пытались заключить союз, но Владыка Исар отказал им. После чего на семью Исара, его Оазу и принцессу было совершено покушение.

Протянув ладонь, Люсторан получил свиток и лично ознакомился с произошедшим.

«Покушение произошло в Солнечном зале, сразу после приёма Аур Серпис. Виновников не удалось поймать на месте, сейчас ведутся мероприятия по их розыску в городе. Преступники не пользовались эфиром, лишая возможности использовать магический проявитель. Стреляли из луков. Наконечники стрел спиралевидной формы, а перья содержат элемент Соулградских ис…»

Люсторан нахмурился. Интересно. Перья этих птиц придают стрелам особую силу и эргономичность, а живут они только в лесах Соулграда со стороны Короля.

«Владыка Исар верен Люсторану, и знает, что это просто дискриминация. Вероятнее всего, это совершили Серписы, союзники Велины, крайне недовольные результатом переговоров. Ведь других недоброжелателей у Зафрита на сей день нет…»

—

Ну хоть кто-то ещё сохраняет ясность рассудка, — пробормотал король, читая дальше.

«Владыка Исар интересуется, как дела у его будущего зятя, и в ближайшее время ждёт его на аудиенцию.»

Сворачивая свиток, Люсторан снова глядел на фотографию сына, а тот, улыбаясь, будто кивнул ему.

—

Ответь Исару, что я благодарен его верности в отношении Аур Серпис и вере в нашу дружбу, но… — он взял рамку в руки, трепетно протирая. — Эскарион нужен мне в Соулграде. Затяжной конфликт с королевой, её сумасбродные планы, плачевное положение страны… Это не один год работы. Мы и так слишком долго оттягивали его союз с принцессой. Исар чуть младше меня, но как правитель я понимаю его заботы. Владыке Вечных Дюн нужен надёжный последователь, тот, кто будет верен его дочери и Зафриту. Однако я вынужден отменить их с Саирой помолвку. Соулграду необходим военачальник, лидер и Король. И на эту роль у меня остался последний бастард. Эскарион никогда не желал власти, однако из всех моих ублюдков, именно его полюбил народ. Он может стать тем, кто не только подарит надежду, но и возродит Соулград.

Глава 9. Пешки в крупной партии. Лорд Обелиск.

—

Вы – ничтожные твари. Недолюди. Недозвери. Безвольные мерзкие существа, что могут перегрызть глотки своим детям, по одному взмаху моего пальца, — слова слетали с губ Обелиска с ядовитой усмешкой и злобой. Хромая, он шел среди толпы, опустившей головы. — Вы забыли, что верность мне — это ваш непоколебимый долг? Забыли, что живы только из милости?!

За Обелиском, словно безмолвная тень, следовал некто, одетый в чёрное. Лицо его скрыто маской, голова капюшоном. Они пришли вдвоём, под покровом ночи, подняв всё племя на ноги властным приказом. Лорд остановился напротив Чуцея, ликана с гордой спиной и внушительным телосложением. Храбрый и сильный, сын стоявшего позади старика, что в лучшие годы был также хорош. Чуцей поднял непокорённый взгляд и поджал губы. Ни страха, ни сожаления — только сила в каждой его черте.

Взмах ладони — Чуцей на коленях. Его мускулы напряглись, под кожей проступили жилы. Он пытался противиться магии, а стоящая позади него семья в ужасе замерла. Им нельзя помогать ему, ведь Обелиск уже сканирует каждого, читает их мотивы, как страницы книг. Его глаза жадно рыщут по толпе, но ликаны крепко держатся вместе, дышат ровно и не поднимают голов. Они знают, что в любую секунду могут лишиться своего сына, отца и мужа, но должны держаться, чтобы не потерять остальных.

—

Почему никто не признался, что произошло той ночью? Как уцелели пленники? И самое интересное, — Обелиск подошёл к новому вожаку, повисшему над землёй в магическом захвате. — Как Яомин смог сбежать?

Хрипя, Лейд пытался держать ответ, цепляясь руками за невидимое кольцо, сжимающее его шею. Обведя толпу взглядом, губы лорда растянулись в довольной улыбке, и он ослабил хватку. Лейд грузно свалился в смесь снега и грязи.

—

Он… нашёл ещё одного Дамина. Она могла приказать ему остановиться во время обращения, — прохрипел Лейд, потирая шею. — Одним словом она могла управлять волей любого из нас.

—

Вот как? — с издёвкой протянул лорд. — Но почему тогда она не увела всех вас? Она могла забрать не только Яомина.

Не смея встать на ноги, ликан стоял в унизительной позе на коленях, опустив голову вниз, а руки упирая в бёдра.

—

Мы следили. Её власть сильна только рядом с полной луной, и она сдружилась с Яомином. Остальные хранили верность хозяину, — отвечал Лейд. — Это та пленница, Саира. У неё на спине отметка. Родимое пятно в форме смазанного волчьего следа.

Обелиск, до этого расхаживающий среди толпы, вдруг остановился. Его безликий спутник зеркалил каждое движение, разве что не хромал. Радужки, пылающие гневным алым, приобрели глубокий синий цвет. Хорошо, что ликаны не знают всей истории. Первые Дамины позаботились, чтобы эти звери не знали своих корней, лично уничтожая их летописи и книги. Однако они знают о метке Солнца, а значит, первые допустили упущение. Что ж, Обелиску не впервой улаживать дела минувших лет. Хромая, он не спеша подошёл вплотную к ликану и наклонился над его ухом.

—

Откуда ты знаешь про метку? — прошептал лорд, чтобы только Лейд слышал.

—

В норе Яомина есть книга.

—

Веди. Сейчас же, — приказал Обелиск и пока ликан поднимался, ещё раз обвел толпу взглядом. — Остальные временно свободны.

Магия, державшая Чуцея на коленях, тут же развеялась, и он, не раздумывая и секунды, с рёвом кинулся на Дамина. Их разделяли несколько метров. Для ликана это два мощных шага, и его цель уже лежит со свернутой шеей. Его масса превышает телосложение Обелиска, который стал ещё худощавее после экспериментов с осколком. И будь на его месте простой человек, или ликан, он был бы мёртв. Но Чуцей забыл, в порыве гнева, что в мире магов другие каноны.

Не оборачиваясь назад, на ликана, Лорд вскинул вверх руку, согнутую в локте, и в миг, когда его ладонь превратилась в кулак, воздух разрезало хрустом ломающихся костей. Чуцей в неестественной позе рухнул в грязь, а его глаза застыли в вечном гневе.

Кто-то из племени сделал нерешительный шаг вперёд, и Обелиск тут же развернулся, впиваясь в него взглядом, а голос звучал сквозь зубы.

—

Вперёд. Я отправлю к предкам любого.

Все замерли. По щекам девушки, чьё лицо оставалось спокойным, медленно скатились две струйки слёз. Стоявшая рядом пожилая женщина просто закрыла глаза, и подняла подбородок к звездному небу.

Расталкивая взрослых, к Обелиску вышел паренёк, не старше десяти лет. Покланявшись телу мёртвого ликана, он смотрел на Дамина без страха, как на равного. Лорд усмехнулся, но решил выслушать мальчишку. Женский голос из толпы едва слышно взмолился:

—

Кайро, вернись…

Взъерошенный, чисто волчонок, он говорил твердо:

—

Яомин обещал вернуть ликанам свободу! Он верно служил вам, исполнял любые приказы! Вы обманщик, Лорд Обелиск! — он достал из кармана несколько осколков и вытянул их перед лордом. — Зажигательная смесь была изготовлена в ваших лабораториях! Здесь оттиск с вашими инициалами! Тот пожар ваших рук дело!

—

Да ты настоящий детектив. Хвалю, — ответил Лорд и собирался идти в нору Яомина, но мальчишка ухватился за его рукав.

—

Вы должны нам свободу! Или по законам кармы вас ждёт расплата!

Поглядев на ребенка из-за плеча, Обелиск ухватился за его руку и резко нагнулся, заглядывая тому в глаза. Дети ликанов до двенадцати лет не подчиняются ни ему, ни луне.

—

У храбрых людей есть одна проблема. Они не умеют остановиться вовремя. Ты готов идти до конца, парень?

Женщина из толпы приложила руку ко рту, её глаза были круглые как две луны.

—

Твой отец? — кивнул в сторону мертвого ликана Лорд.

—

Нет. Он мой наставник. Мой отец погиб в пожаре, спасая Дом и детей.

—

Ясно. Пойдешь со мной. С сегодняшнего дня западный лес больше не твой дом. И не думай упрямиться, если не хочешь смерти своей матери.

В подтверждении слов Обелиск притянул к себе испуганную женщину.

—

Кайро… — прошептала она. — Дамин, не забирайте моего сына.

Не слушая её, Обелиск выпрямился, сохраняя зрительный контакт. Мальчишка не пасовал даже сейчас, когда рядом стояла его обезволенная мать. Прекрасно. Из такого волчонка можно вырастить замечательного подручного.

Среди толпы показалась рыжая макушка и пара зелёных глаз. Мальчик выставил руку, так, чтобы заметил Кайро, и жестом сказал, что дело сделано. Обелиск не знал, что это был отвлекающий манёвр. Большинство книг уже надёжно спрятаны.

—

Хорошо, я иду с вами, Лорд Обелиск.

—

Можно подумать, у тебя был выбор, — усмехнулся в ответ Дамин.

Перевернув всю нору вверх дном, и не найдя необходимой литературы, Обелиск пришёл в ярость. Яомин оказался умнее, чем он предполагал. Тем больнее ему будет умирать. Спутник в чёрном продолжал безмолвно крушить дом ликана в поисках книг, а Лорд уже мысленно находился в другом месте. Демонстрация силы должна иметь результат. Скоро ему понадобится вся мощь ликанов и боевых магов академии, которую он уже навестил.

Мастера боевых искусств не вытаращили глаза, встретив своего покровителя. Они знали о связи с Мордредом, дарующую лорду преимущество над смертью. Правда удивились его храмоте, но Обелиск не привык объясняться, не стал и в этот раз. Им ни к чему знать, что медальон Мусони тянул эфир настолько мощно, что ослабил даже Мордреда, и тот едва успел совершить обряд душ, поменяв их местами. В конце концов, сильная магия всегда оставляет увечья.

Убедившись, что дисциплина и подготовка боевых магов оказалась на высшем уровне, как и преданность, Лорд отправился к министру Авелии.

Как полагается у людей, в чьих венах нет магии, тот смотрел словно на призрак. Ему понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя и перестроиться от общепринятого мнения. Авелия, в сердце которой образовалась огромная дыра во всех смыслах, скорбела. Одни жалели Обелиска, другие его проклинали. В любом случае министр публично выразил сожаление о смерти такого влиятельного человека, и вот, он здесь — цел и почти невридим. Министр благоразумно сдерживал потоки вопросов, слушал Лорда и одобрительно кивал, попивая из стакана воду.

Обелиск обещал восстановить город за свой счёт и выплатить компенсации жертвам, а взамен требовал в короткие сроки устранить ущерб его репутации, оставаясь инкогнито. Он намекнул, что собирается вернуться, но позже. Его возвращение будет триумфальным и громким. Возможно его имя будет звучать ещё чаще, чем после разрушения города, и гораздо дальше пределов Авелии.

—

Довольно. Возвращаемся в город, а оттуда в Соулград. Пора навестить королеву, — сказал лорд, и спутник в чёрном поравнялся с ним рядом.

Из-под капюшона и маски на него смотрели огненно-карие глаза. В них не отражались эмоции или чувства, только внимание к следующему приказу. Обелиск хмыкнул и опустил голову ниже, туда, где стоял волчонок.

—

Знаешь, кто это?

—

Ваш спутник маг, — ответил Кайро и принюхался. — Но от него странно пахнет.

—

Потому что он не обычный маг. Он Дибрид. Моё собственное изобретение. Ошибка, — лорд глянул в глаза спутника. — Но я извлекаю пользу из всего, и всегда выигрываю. Кто знает, может и ты будешь мне полезен, а может, просто сломаешься.

Порт Соулграда, обдуваемый всеми ветрами, был практически безлюден. Своими действиями, затяжным конфликтом, монархи распугали всех граждан. Обелиску, с его властью и силой, давно не интересен Соулград со всеми вытекающими. Напротив, маги, бегущие от войны, находили приют в Авелии и укрепляли его положение. Причём, у него находили приют маги с обеих сторон конфликта.

Спутник в черном остановился, осматривая тенистые уголки, в которые никогда не проникает солнечный свет. Его плечи напряглись, а из горла вырвался тихий рык.

Мальчишка-ликан, Кайро, остановился рядом, принюхиваясь.

—

Оттуда тянет, как от тебя, Борн, — подметил он, поднимая взгляд на спутника в капюшоне.

—

Вероятно, там прячутся его собратья, — улыбнулся Лорд, проходя мимо, и по-хозяйски положив руку на плечо парня, потянул того за собой. — Или его армия. Как повезёт. Как Тум Борн сможет проявить себя.

Скинув руку лорда, мальчишка ощетинился, но шёл следом. Он с интересом рассматривал город, и несмотря на молчаливость Тум Борна, тянулся к нему и держался рядом. Мальчика не пугала ни его отстранённость, ни пустота в огненно-карих глазах. Не испугало и говорящее имя, что означало Туман смерти, рождённый в боли.

—

Борн, идём, — позвал Кайро, остановившись.

Тот стоял, словно изваяние, и только ветер трепал его длинный плащ. Тогда мальчишка подбежал, ухватился за его твердую, словно камень, руку, и потянул за собой. Качнувшись, Тум сделал шаг, другой, и, впившись глазами в мальчишку, уже шёл за ним.

—

Отпусти его, — кинул Лорд, заметив, с какой жадностью глаза Тум Борна впились в руки мальчишки. — Ты испортишь моё творение своей…тактильностью.

Сказав это, Лорд замахнулся тростью, целясь в замок из ладоней. Ловкий мальчик ликан, тут же отбросил свои назад, и весь удар пришёлся по запястью Борна. Его лицо, спрятанное под маской, не дрогнуло, а глаза не отразили эмоций. Мальчишка же недовольно запыхтел, зло глядя на Дамина.

—

Мне нужен злой пёс, а не ручная собачонка, — повторил Обелиск, садясь в экипаж.

Изъяв из внутреннего кармана плоский сферический предмет, Лорд с отвращением рассмотрел плавающий внутри осколок. Словно компас, он указывал острым концом в сторону замка Эльдория, собирая свечение и пытаясь тянуться из сферы тёмными нитями.

—

Слеза дракона близко. И его очаровательная хозяйка тоже.

Королева с нетерпением ждала почтенного гостя. Такой союзник, как Лорд, был её фаворитом. И не важно, что обычно они не находят общий язык. Велина не привыкла сдаваться, продолжая искать связи с ним.

С точки зрения Королевы, Обелиск великолепен во всем — власть, сила, харизма, невероятные таланты и возможности. По отношению к нему она никогда не скрывала своих истин-

ных чувств, но безответно. Хотя сейчас всё может круто измениться. Во-первых, потому, что её власть укрепляется благодаря расе полузмеев. Во-вторых, слеза дракона. Велина знает о любви лорда к редким артефактам, и как же повезло, что самый желанный у её подданной. Остается найти рычаг управления, и Лорд станет её рабом. Велина коснулась пальчиками своих губ и прикусила кончик ногтя. Она мечтает о большем. Обелиск идеальный кандидат на роль Монарха.

Когда ворота зала распахнулись, пуская Лорда внутрь, от острых глаз Велины не скрылись двое, что остались в коридоре — нахального вида мальчишка, и тёмный, словно статуя, силуэт. Последний заинтриговал её. Даже в мире магов такая запечатанная в накидку и маску фигура — большая редкость.

—

Лорд Обелиск!

—

Королева Велина, — в тон её радости произнёс лорд, не выказывая никаких дополнительных жестов уважения. Он по-хозяйски пересек широкий зал и сел напротив. — Решил лично развеять миф о своей гибели. Вам наверняка донесли ложные сведения.

Радужка его глаз, скучающе серого оттенка. Он лениво обвел зал взглядом, будто искал нечто привлекательное, но никак не находил.

—

Я знала, что вы целы. Чувствовала сердцем, — промурлыкала Королева, кокетливо наклоняясь чуть вперёд. — Но ваш визит для меня неожиданность. Скажите, вы, наконец, решили принять моё предложение?

Перестав изучать зал, Обелиск остановился на фиалковых глазах Велины, широко улыбаясь.

—

Возможно. Я собираюсь некоторое время погостить в Соулграде. Мои интересы в данный момент сдвинулись в этом направлении. Не откажете мне в радушии?

Его слова, наполненные бархатными нотками, подкрепились нежной улыбкой, а глаза заманчиво сменили цвет на лиловый. Зная падкость Велины на подобные проявления силы, он намеренно ими пользовался.

Подобно Лорду, Королева засияла очарованием.

—

Я безгранично рада. И вы очень вовремя! После ужина я покажу вам своё новое изобретение в действии! Помню, вы такой же страстный изобретатель, как я, а значит, сможете по достоинству его оценить. Какая досада, что ваша невеста разрушила блистательный монумент! Некоторые не в состоянии оценить чужие труды!

Из дверей, ведущих во внутренние залы, вышел высокий мужчина. Длинные волосы, как жидкий шёлк, рассыпались по плечам, отражая солнечный свет, лицо узкое, с тонкими чертами и покорным выражением.

Он деликатно выставил на стол угощения, озаряя Королеву ласковой улыбкой, а встретив взгляд Лорда, почтительно склонил голову. Глаза слуги были с узкими зрачками.

—

Благодарю, Мистрас, — нежнее прежнего улыбнулась ему королева. — Владыка Еланус уже вернулся?

—

Да, моя Сетхали. Он обещал составить вам компанию этим вечером. Кстати, вас ждут в лаборатории.

Голос Серписа такой же скользкий и приторно мягкий, как его внешний вид. Но Лорд видел больше, и аура, окружающая Серписа, вызывала в нём смешанные чувства. Он как мини-

мум лжец и льстец, а как максимум, ненавидит ту, в глаза которой смотрит почти с любовью. Королева просто сама наивность, если считает их союзниками.

О…! да она спала с ним. Хорошо, что Велина последняя женщина, чья личная жизнь его хоть сколько-то заботит. Ему нужна другая. И она где-то рядом. Осколок дребезжит, желая соединиться с медальоном.

—

Что за приятеля вы оставили снаружи? — с явным любопытством спросила Велина, делая глоток.

—

О, это мой сюрприз, но если позволите, я познакомлю вас позже.

Лицо Королевы просияло, и она удовлетворенно затараторила о своих достижениях, а лорд сдерживал скуку за маской заинтересованности.

В это время за воротами зала Тум Борн соскочил с места и рассекая коридор, пошёл прочь.

—

Тум, ты куда?

Соскочив с дивана, Кайро вцепился в рукав уходящего Борна и потянул назад. Хоть ему и не нравился Лорд Обелиск, но он приказал ждать здесь, за дверями зала. Кайро заметил, что Лорд не церемонится со слугой, бывает слишком жесток, и хотел уберечь его от наказания.

—

Пусти.

Бесцветный голос оттенял хрипотцой. Тум потянул на себя руку, но Кайро повис, как клещ, не собираясь сдаваться.

—

Тебе снова влетит! Куда ты собрался?

—

Она зовёт меня.

—

Кто?

—

Я не знаю, — серым голосом ответил Тум, возобновляя шаг.

Он чувствовал, как нечто притягивает его, и мальчишка, повисший на руке, не в силах препятствовать зову. Сдавшись, Кайро спрыгнул с руки, поглядел Борну вслед, оглянулся на запертые двери, и припустил следом.

Пара стражников пыталась их остановить, один окликнул, а другой схватил Борна за плечо, но встретившись взглядом, тут же в страхе отпрянул. Кайро рассмеялся. Можно подумать, Тум страшный! Они просто не видели разозленного ликана! Тум Борн на их фоне очень мил.

Навстречу им попались придворные, что прогуливались, обсуждая разные сплетни. Привыкшие к этикету, они не ожидали, что Тум пойдёт напролом, расталкивая женщин. Последней шла Бонуми Блейт, размышляя о своём. Она заметила Борна в последний момент, когда он болезненно толкнул её плечом. Он пронёсся дальше, не извиняясь и не оглядываясь на возмущение женщин, а Бонуми Блейт схватилась за сердце. Всего на миг, встретившись взглядом, в огненно-алых глазах ей привиделось что-то родное.

—

Простите, — оглянулся вместо своего друга Кайро, скрываясь за воротами Эльдории.

Глава 10. Солнечный город Соулград.

Разогнавшись на водных просторах, обычное с виду судно вдруг преобразилось. Вернее сказать, скинуло иллюзию. Железная оболочка растаяла, уступая место дереву, а стеклянные окна, местами растресканные, стали узорчатыми витражами, с изображением морских чудищ и русалок. Раскинув паруса, торчащие по бокам словно огромные белые крылья, судно с лёгким скрежетом взмыло вверх. Морские просторы ширились и отдалялись, и скоро всё заволокло густыми облаками.

Оскар читал Соулградский вестник, а Мусони следила за его ресницами, за складкой меж бровей, что исчезала, едва появляясь.

—

Ты хочешь поговорить? — внезапно спросил он, поднимая глаза.

—

Нет. С чего ты взял?

—

Твой пристальный взгляд.

Бегло окинув скромную каюту, Мусони вернулась к Оскару и с улыбкой объяснила.

—

Рассматривать каюту не так интересно.

—

Хочешь почитать? — он тут же протянул ей газету, но Мусони отказалась.

—

Я незнакома с Соулградом, и будет понятнее, если ты мне расскажешь.

—

Боюсь, Соулград в сегодняшнем свете разочарует тебя. Война истощила граждан, а улицы города, блестящие в прошлом, сейчас угрюмы и тихи, — он отложил газету в сторону. — Мы проигрываем. Я имею ввиду, сторона Короля.

И не успел Оскар продолжить, как из коридора раздался крик. От неожиданности сердце Мусони ухнуло вниз, а сама она подскочила на ноги. Оскар оказался ещё быстрее — он уже стоял возле двери и прислушивался.

—

Что там?

Сердце забилось в бешеном ритме. Она на магическом корабле, и вряд ли здесь может произойти нечто обычное. Холодный ответ Оскара не успокоил её.

—

Я чувствую кровь.

—

К-кровь? Там что, убили кого-то?

—

Возможно хуже, — ответил он, прислушиваясь. — Запри за мной дверь.

И не успела она разныться, запротестовать, прося остаться, и не оставлять её одну, как Оскар уже закрыл за собой дверь. Она защелкнула замок и прислонилась ухом к полотну.

Тишина продлилась недолго. Её буквально отбросило от двери, когда с той стороны, рыча, что-то огромное бахнуло и взвыло. Холодок превратился в лютый мороз. Она слышала такой рык прежде. Её личный ручной монстр, Экскрантус Том, издавал точно такой же…

Спустя пару секунд в дверь осторожно постучали. Унимая дрожь в руках и ногах, Мусони коснулась замка и остановилась.

—

Это я, — сказал Оскар, и Мусони открыла.

Он нырнул внутрь и быстро закрыл дверь, не давая ей рассмотреть, что снаружи. Её обеспокоенный взгляд осмотрел парня — невредим, только волосы слегка растрепались. Дыхание ещё тяжёлое, но приходило в норму.

—

Что это было?

—

Ты встречалась с похожим, это экскрантус, — их глаза встретились. — И я убил его.

—

У-убил? Но… — она хотела напомнить Оскару, кто такие экскрантусы, и как ими становятся, но он прервал.

—

Да. После смерти он стал человеком, тем, кем был до обращения.

—

Но, их же можно вылечить…есть способ вернуть их…

—

Нет, Мусони. Случай с Томом скорее исключение из правил, чем статистика. Обратившись, им нет пути назад. Они теряют всё человечное, ими движет только жажда убийств. Я таких за людей не считаю.

Он держал руки за спиной, на замке двери, а пальцы его охватил крупный тремор. В нём боролся человек и зверь. Умом приходилось и самому себе доказывать, что это не убийство, а сердце, что с рождения ближе к зверю, желало крови.

Мусони не успела насладиться видом Соулграда с высоты птичьего полёта. Обратно в воду они так и не приземлились. Парящий в воздухе корабль причалил бесшумно, а ветер слабо доносил отголоски моря откуда-то снизу. В любом случае ночью сложно рассмотреть всю картину магического континента. Помешали облака и ночной покров, а едва их нога ступила на пристань, со всех сторон сейчас же окружили.

Люди в шлемах, изображавшие головы тигров, чьи глаза светились легкой фиолетовой поволокой. В руках посохи и мечи, окутанные переливами эфира — боевые маги.

—

В другой раз я сказал бы добро пожаловать в Соулград, Оскар Эрдол. Но мы здесь чтобы задержать тебя, — рычащим голосом произнёс один, выходя вперёд. — Сопротивление равно измене, поэтому…

—

Я не собираюсь бежать или сражаться. Если Король желает, я готов объяснить свои действия.

—

В этом нет необходимости. Нам приказано сразу отвезти вас в Шадур.

Из горла Мусони вырвался стон. Она сжала кулаки. Страж посмотрел в её сторону и как-то странно мотнул головой.

—

Это Мусони Ассель, — уточнил Оскар, предполагая, что за эмоция скрыта под маской. — Она гостья короля. Доложите о ней, и позаботьтесь, чтобы с ней ничего не случилось в моё отсутствие.

Удивительно, но конвоир принял приказ Оскара и кивнув, ответил:

—

Понял.

Короткий разговор и вот, их ведут к экипажам. Оскар впереди, ему не одели нефритовые наручи, в силу добровольного заключения. Мусони шла следом, и кто-то мягко подталкивал её в сторону, противоположную экипажа Оскара.

—

Нет. Мы едем вместе, — запротестовала она.

—

Не переживай, Шадур находится в подземельях дворца короля, — спокойно сказал Оскар, обернувшись.

Если он решил, что это успокаивает — очень ошибается. Возможно для Оскара всё вокруг привычно и безопасно, но ей лучше всего с ним.

—

Тем более. Мы всё равно в одну сторону. Я поеду с тобой.

—

Экипаж для заключённых лишен удобств и чистоты, — холодно подметил Оскар. — И рассчитан на одного.

—

Мне всё равно. Мне…страшно без тебя, — тише добавила Мусони, озираясь на людей в масках.

Она не врала. Почему-то казалось, что если они разлучатся сейчас, то больше не встретятся. А это есть самый страшный кошмар.

—

Некрасиво везти гостью в грязной повозке, — он покачал головой.

—

Мне всё равно. Я еду с Оскаром, — добавила она громче, обращаясь к конвоирам.

Тот лишь пыхнул сипящим звуком и плавным движением руки пригласил обоих внутрь экипажа для преступников. Интересно, стража со всеми так любезна, или Оскар особенный узник?

Экипажи без упряжи, но Мусони успела заметить, как от рук стража, что сидел на месте кучера, исходили эфирные нити. Не сложно предположить, благодаря чьей силе придёт в движение металлическая, похожая на бочку, конструкция на колёсах. Полностью литая, а вместо окон по бокам узкие прорези.

—

Еще не поздно передумать, — предложил стражник, указывая на экипаж, похожий на карету, что стоял неподалёку.

—

Нет, я еду с Оскаром, — упрямо повторила Мусони и первой залезла внутрь бочки для преступников.

За Оскаром закрыли дверь и экипаж пришёл в движение. Со стороны кучера приоткрылось узкое оконце-прорезь, и раздался рычащий голос стража в маске:

—

В Соулграде ввели комендантский час. Теперь разгуливать позднее восьми не только небезопасно, но и противо канонам. Королева выпускает в мир новых тварей, и те частенько ведут именно ночной образ жизни.

—

Типа Экскрантусов, — подтвердил Оскар. — Мы встретили одного на корабле.

Многозначительное молчание.

—

Экскрантусы не ошибка природы, ими не становятся случайно, — сказал Оскар в размышлении.

—

Да. Королева создает их с целью убивать. Причём, по нашим данным, она смогла ими то ли управлять, то ли защищаться от их нападений. Во всяком случае, на её половине они не лютуют.

Мусони пыталась не соскальзывать к самому низкому уровню бочки, держась за прорези и выглядывая на улицу. Погруженная во мрак, она освещалась редкими фонарями с белесо голубым огнем. В некоторых окнах горел свет. Вдруг экипаж резко вывернул, по инерции кидая Мусони в сторону Оскара, что сидел в самом начале бочки у окошка кучера. Он ловко поймал её, чем спас голову от удара о стену, окатив теплом рук. Она оказалась где-то в области его твёрдой груди, среди раскинутых ног.

—

Лучше оставайся здесь, — придержал он её руку, когда Мусони хотела вернуться назад. — Тут самое устойчивое место.

В темноте бочки не имелось и малейшего источника света, кроме прорезей по бокам. Для элурантропа это не проблема, а обычному человеку приходилось тяжеловато. Поэтому Оскар притянул Мусони обратно и усадил спиной к себе. Она не сопротивлялась, но старалась не строить ложные надежды и откинуть воспоминания о человеке, который посмел сидеть с ней в такой позе первым. Все-таки Обелиск испортил приличную долю моментов, которые с правильным человеком становятся тёплыми воспоминаниями.

Экипаж снова тряхнуло, на этот раз завернули в другую сторону. Угол улицы оказался довольно хорошо освещен, и Мусони заметила, что второй экипаж, в котором могла ехать она, следует за ними.

—

Мы едем не по главной улице? — спросил Оскар, закинув голову немного вверх.

—

Нет. В целях безопасности приходится каждый раз выбирать новый маршрут, — ответил рычащий голос кучера. — Быстро домчим, кроме нас ночью никто не катается.

Экипаж заметно ускорился, в прорезях завыл ветер, а дома слились в неразличимую массу. Они разогнались по прямой, и Мусони могла только гадать, какой длинной может оказаться эта дорога.

Оскар придерживал её одной рукой, локоть которой лежал на его колене, а кисть на колене Мусони. Он молчал, и она не начинала разговор, а только надеялась, что у него действительно есть план, и это спокойное дыхание, что касается её макушки, не показное.

Внезапно позади раздался оглушительный грохот, и в бочку с пленниками полетели мелкие щепки и камни.

—

Андрас! Вперёд, не останавливаться! — в голосе стража звучала тревога.

Слева что-то бухнуло, на миг освещая бочку ярким светом. Справа грохот и толчок. Экипаж повело, но он выровнялся, заметно теряя скорость. Ещё один удар пришёлся спереди, так, что всех подбросило. Пока Мусони хватала воздух ртом, не в силах поинтересоваться, в чём дело, Оскар знал каждый удар магической силы.

—

Экскрантусы! — закричал стражник, где-то в конце бочки, со стороны двери.

Следом прокричал пару заклинаний, судя по воплю монстров, весьма успешно. Рык слева — заклинание — жалобный вопль. Скрежет когтей по железу справа.

—

Роверио

! — и вновь скулёж монстра.

Мусони закрыла уши руками. С каждым убитым экскрантусом, она думала, что, если это её друг Том?

Ещё несколько нападений монстров успешно отбиты, и экипаж начал вновь набирать скорость, как вдруг страж сзади закричал не своим голосом и стих. Тем временем впереди снова раздался грохот, похожий на взрыв, сведя скорость поездки практически на нет.

Рык голодных монстров окружал. Он резонировал внутри бочки особым эхом, что проникал в самую душу.

—

Откройте дверь, — приказал Оскар, стукнув в стену кучера, но борьба, что происходила снаружи, заглушила его голос.

Мусони вдруг осознала, что тишина снаружи нарушается только рыком. Ни заклинаний, ни голосов. Похоже, все стражи мертвы. Их окружили монстры, но ей совсем не страшно. И не потому, что бочка из толстенного листа железа. Нет. Просто она совсем не боится экскрантусов. Перестала бояться из-за Тома.

Звук магической битвы, снова жалобный вой подбитых монстров. Неужели не все стражи погибли? Или подоспела подмога? Женский голос разбрасывал проклятия. Знакомый женский голос. Оскар заметно напрягся и перестал дышать.

Звук открываемого замка сопровождался довольным, почти мурлыкающим голосом:

—

Ну, кто у нас сегодня впал в немилость Короля?

Их озарила вспышка света, и Мусони спрятала лицо ладонями.

—

Вот это встреча, — Рексана опустила сияющий перстень и улыбнулась. — Оскар Эрдол, а с ним…

Её лицо сменило миловидную маску на раздражение. Из всех людей встреча с новоиспеченной сестрой бесила больше всего.

Проморгавшись, Мусони впилась в Рексану жаждущим взглядом. Слова Сильванимов звучали так отчетливо, будто они прямо сейчас рядом, и шепчут ей со всех сторон. На груди сестры висит её медальон, и он сверкнул золотистым сиянием, словно приветствуя. Заметив взгляд сестры, Рексана нервно схватилась за него и нахмурилась. Мусони улыбнулась — интересно, он по-прежнему жжёт, реагируя на негативные эмоции? Особенность, по которой она ни дня не скучала.

—

Ладно, — выдохнула Роксана, отступая назад. —Двойной улов лучше, чем ничего. Выбирайтесь, вас освобождает королева и предлагает своё покровительство.

—

Благодарю, но сегодня ты ничего не поймала. Здесь нет желающих примкнуть к рядам экскрантусов королевы, — ответил Оскар, аккуратно отодвигая Мусони, чтобы встать на ноги и запереть дверь камеры.

—

На этот раз я не стану спасать тебя из Шадур, а твой друг Итан… — с издёвкой начала она.

Её горло оказалось в захвате. Оскар мог свернуть ей шею прямо здесь и сейчас, он был практически уверен, что она виновата в смерти друга, но засомневался всего на секунду, взвешивая все последствия. Щелкнув пальцами, Рексана развеялась в воздухе, оставляя в тисках Оскара пустоту.

Наблюдавшая из-за его спины Мусони, неосознанно держала себя за горло и перестала дышать, будто только что душили не Рексану, а её саму. Она молчала, собирая воедино

обрывки фраз. Оскар не оборачивался, пытаясь унять дрожь, вызванную внутренним зверем, что желал мести и крови.

Слабак, жалкий трус! — рычал зверь, и бился внутри, словно в клетке.

Его борьба настолько очевидна, что Мусони ничего не оставалось, как стихнуть и ждать, хотя бы до тех пор, пока из горла парня перестанет раздаваться рык.

Скоро подоспела подмога из стражников в масках тигров и обычных боевых магов. Голос Оскара, объясняющий произошедшее, звучал непривычно низко. Почти как звериный рык. Пытаясь прийти в себя, Мусони молча сидела на прежнем месте. Ей предложили выйти, но она опасалась увидеть тела мертвых Экскрантусов, ставших людьми.

—

До замка немного осталось. Можно пройтись в сопровождении конвоя, — сказал Оскар, предлагая ей руку. — Идём. Они не станут нападать второй раз.

—

Там… есть тела?

Оскар обернулся, заглянул вперёд.

—

Нет. Стражи уже всё убрали.

Несмотря на его слова, выйдя наружу, Мусони ещё раз осмотрелась. Тел и правда нигде нет.

—

Повезло, что Бонуми решила ехать с вами, — сказал один из стражей, возвращаясь с обследования их пути. — Другой экипаж разорвали в мелкую щепу, и выживших среди стражей, к сожалению, нет.

Ощущения не подвели Мусони, но она не предполагала ничего подобного. Она переживала не за себя, а за Оскара, который и бровью не повёл. Ей нужно поучиться его хладнокровию, хотя бы для того, чтобы лучше управлять своей тьмой.

Впереди прямой дороги, слегка уходящей вверх, возвышался величественный замок, в точности такой, как в сказках. Со множеством башен, с воздушными мостами, соединяющие их, и заостренными крышами. Не хватает только пары парящих драконов для полного погружения в сказку.

Проходя с краю длинной дороги, над головами то и дело возникали воздушные, сделанные будто из хрусталя, мосты, соединяющие края улицы. Оскар объяснил, что днём здесь очень интенсивное движение, а под действием эфира любой экипаж мчит куда быстрее гоночных автомобилей. Поэтому появились такие надземные и подземные переходы, а ещё Узы — круги из символов, благодаря которым можно перемещаться на небольшие расстояния. Эта улица одна из семи прямых дорог, расходящихся от дворца словно лучи солнца, их основная задача — транспортная. Есть пешеходные улочки, что идут в параллели, а ещё кварталы с каналами — излюбленное место отдыха Соулградцев.

Оскар уточнил, что дальше идёт территория города, которая с начала войны принадлежит королеве. Там много торговых улиц, а также академии и лаборатории. Замок Эльдория, дом Королевы, парит над краем основного города.

—

Город негласно делится на кварталы. Всё началось с лекарей и зельеваров, которые, по естественным причинам обосновались на границах с лесом, — говорил Оскар, глядя на замок. — К ним присоединились друиды, предпочитая лесную прохладу и горные озёра, душным улицам. Маги янтток наоборот, держатся ближе к центру города, к месту, где больше всего эфирной силы. Квартал Янтток мы проходим прямо сейчас.

—

Почему здесь больше всего эфирной силы? — спросила Мусони, продолжая на ходу осматривать разноцветные здания.

—

Из-за Осколков Иртноса. Самый огромный под скалой замка, а его более мелкие части рассыпаны под землёй. История их появления древна, как магия.

Снова осколки Иртноса. Долг щемил сознание.

Она размышляла о Рексане, о наказе Сильванимов, и внезапной тоске по медальону. Оскар чуть не придушил Рексану, и в тот миг голову посетила внезапная мысль: *«Что, если её убьёт кто-нибудь другой?»*

Тогда медальон вновь при ней, а руки чисты. От собственных мыслей стало тошно.

По мере приближения, замок становился всё величественнее и массивнее. Вероятно, при свете дня город прекрасен, и Мусони с нетерпением ждёт возможности рассмотреть его с высоты одной из башен.

Воздух сотрясло грохотом.

Земля задрожала.

Разнёсся оглушающий гул.

Одним из первых отреагировал Оскар. Пока остальные переглядывались, гадая, в чём причина, он безошибочно обернулся назад.

Ему нужна высота, чтобы убедиться в своих ощущениях. Пользуясь Узами, он переместился на площадку ближайшей башни. Один взгляд, доля секунды, и его громкий голос, звучит как приказ:

—

Свяжитесь со всеми! Атака Королевы! Воздух!

Стража реагировала быстро, без лишней паники. Используя магию, они поднимали всех на защиту.

Темное небо вдруг приобрело светлые оттенки. Сердце Мусони забилось в горле, при виде ослепительных звёзд, что неслись в их сторону, оставляя в небе мерцающий хвост.

Снова грохот. Земля затряслась. Небо стало светлее, и вслед первым, ещё летящим на них звездам, встал второй, более разреженный ряд. Свет завораживал, а мерцание так вообще, зачаровывало своей красотой, но Мусони внезапно осознала, что это разрушительно. Звезды медленно двигались по небосклону, но дуга неуклонно тянула их вниз, на часть города, принадлежащую Королю. Остаётся только догадываться, чем закончится столкновение. От волнения перехватило горло.

Горячая ладонь Оскара схватила Мусони, утаскивая за собой.

—

Держись ближе, — напомнил он, вставая в круг, и насилу обвивая себя её руками, уже читал заклинание. — Переместимся несколько раз. Не отпускай руки.

Темнота и чувство невесомости накрыло её, не давая передышки заволокло опять, и третий раз, лишая легкие последней капли воздуха.

Они оказались внутри замка, на приличной высоте, и рядом с огромным панорамным окном, ведущим на балкон. Вид с него наверняка прекрасен, а прямо сейчас первые звёзды уже с грохотом и ослепительным светом достигли границы их разделенного войной города.

Не сдержавшись, Мусони ахнула и припала к окну. Стёкла, звеня, дрожали. Откуда-то из темноты, белой сияющей волной, поднимались новые звёзды, а часть города, где успели приземлиться первые, заволокло непроницаемой тьмой.

Материя настолько тёмная, что среди ночи выглядит как разлитая бездна.

Вдруг рядом возник мужчина, заставив Мусони отшагнуть в сторону. Он быстро распахнул двери балкона, впуская внутрь порывы ветра. Его стеклянный взгляд прикован к горизонту, а косматые черные волосы колышатся в такт развивающейся черной накидке. Мусони

оглянулась, в поисках Оскара, но не нашла его. Тем временем, мужчина, не обращая на неё внимания, уже стоял у края балкона и громким низким голосом читал длинное заклинание, а по его рукам, всё выше к предплечью, растекался эфир. Он охватывал его, заволакивал легким сиянием, разжигал тело мага, словно пламя. Дыхание перехватило от подобной магии. Красиво. Человек становился похожим на живую звезду, и Мусони прищурилась, а её сердце ухнуло в пятки. Она помнила, как сама была охвачена таким огнем, ощущала мощь, растекающую под кожей. И помнила горькие последствия. Ей стало страшно.

Мужчина разгорался всё ярче, а голос его становился громогласнее. Мусони вцепилась пальцами в раму распахнутой двери, ожидая взрыва, но в момент, когда новая волна звезд почти коснулась земли, мужчина выпустил магический импульс. Тонкие кольца молниеносно достигли магии противника и разбили её, заставив осыпаться миллиардами искр.

Расслабляться слишком рано. Со стороны противника поднималась новая волна звёзд.

Сложа руки, мужчина возобновлял сияние, вновь разгораясь подобно звезде. Вторую волну он разбил ещё быстрее, высоко в небе.

Но в тот же миг противник выпустил новый залп, крупнее и мощнее предыдущего, а мужчина, грузно упираясь руками в резной поручень, был на исходе сил. Он посмотрел на Мусони через плечо пустым холодным взглядом — странно знакомым, и одновременно чужим.

Сзади приближались торопливые шаги.

—

Ваше высочество! Мы готовы!

На ходу разгоняя эфир, к мужчине подбежали шестеро, а Оскар завершал их отряд. Как и другие, он начал читать заклинание, вставая полукольцом за спиной… короля? Выходит, этот мужчина король Люсторан? Он всё ещё смотрел на Мусони, но выпрямился и поднял лицо к горизонту, когда руки двух магов легли ему на плечо.

Снова сияние, но в этот раз его сила питалась от других. Видя, как эфир перетекает от одного мага к другому, вливаясь в спину короля, Мусони догадалась, что они пытаются усилить его.

Следующая волна звезд противника не встретила импульс магии. Нет. Король создал купол. Огромный щит, похожий на разлитое в воде молоко, растекался по небу, защищая границы города.

Несмотря на поддержку, закончив с заклинанием, ноги короля ослабленно подкосились, но Оскар поймал его. Лицо Короля исказила гримасса ненависти к себе, а поглядев на источник поддержки, он и вовсе фыркнул.

—

По тебе плаха плачет, гаденыш, — усмехнулся он, похлопав Оскара по щеке. — Но я как никогда рад тебе, ублюдок!

Глава 11. Зафрит. Связь, о которой невозможно молчать.

—

Упрямство рождено вперёд тебя, Саира! Только не пойму, откуда ты научилась так врать? И не говори, что умолчать и сказать неправду это разные вещи!

На колкое замечание Владыки, Оаза вскинула брови и продолжила играть пальчиками с котёнком, на спине которого красовались крохотные крылья.

Саире оставалось только молчать. Если отец, погруженный в заботы Зафрита, и мог спустить дочери с рук небольшие недомолвки и был просто рад, что она вернулась невредима, то мать не упускала ни одной детали. К пифии не ходи — она сразу поняла, что Яомин ликан, но дала шанс им раскрыть правду. Их благополучный провал мог стоить Яомину жизни, однако теперь он герой. Потерев зудящее плечо, Саира очередной раз нетерпеливо посмотрела на дверь. Ликан уже несколько дней борется с неизвестным ядом. Лекари сказали, будь на его месте обычные маги, то смерть оказалась бы мгновенной.

Восточный зал для приёмов небольшой и уже погрузился в прохладу. Владыка Исар стоял возле балкона, выходящего на внутренний двор. Саира сидела в одном из семи кресел, окружающих трон дугой.

—

Итак, что ликан забыл на Зафрите?

—

У него благородные намерения. Единственная его цель — освободить народ ликанов от рабства.

В разговор встряла Оаза, намеренно вытягивая голос выше обычного:

—

Тенебрис? Освободить клан разбойников и убийц? Ты это называешь благородством, дочка? Позволить этой заразе разгуливать по всему миру?

—

Они совсем не такие! У них есть культура, история. Я своими глазами видела внутренний уклад их жизни, как они воспитывают детей, отношения в семьях, бытовые обязанности. Тенебрис создали устрашающую маску, чтобы защититься и защитить простых людей от возможного столкновения с собой! — голос Саиры был твёрд, подобен Владыке. — Яомин дипломат. Он пытался договориться с Дамином, но тот обманул его. Возможно наши библиотеки могут помочь ликанам освободиться. Поэтому мы здесь. Я помогаю ему, потому что…

Она замолчала. Нить. Родимое пятно на её спине. Как на это отреагируют родители? Оаза тут же напряглась и во внимании подняла на дочь лицо. Владыка медленно повернулся и сел на широкий трон-тахту.

—

Хорошо. У меня нет причин сомневаться в тебе, дочка. А ликан… — он оглядел семью влажным взглядом. — Ликан заслужил доверие. Я выдам Яомину привелегию посещать любую библиотеку, но ты будешь помогать ему.

Лицо Саиры просияло, она тут же обняла отца, поцеловала в обе щеки и отпросилась покинуть приём. Он кивнул, подталкивая дочь к Оазе.

Женщина продолжала буравить дочь, выискивая в ней скрытые мысли, но настроив голос на ласковый тон, сказала:

—

Анэль согласилась стать моей ученицей, и я перевела её в Аларион Звёздного пламени. Она не сможет видеться с вами как раньше. У меня очень высокие требования.

Кивнув, Саира коснулась руки матери лбом и выпорхнула за дверь, едва не сбив с ног наперстника Муэвира. Он принёс отчёты о поимке нападавших и свиток с посланием из Соулграда. А заодно одарил принцессу хмурым взглядом.

Приняв документы, Владыка попросил оставить их с Оазой наедине. Лянзара, подобрав под себя ноги на тахте, в расслабленной позе читала свиток.

—

Оказавшись в ловушке, нападавшие покончили с собой путем сожжения заживо, — констатировал Владыка, потирая переносицу. — От них ничего не осталось, кроме скукоженного в комок скелета.

—

Я уверена, что Соулград здесь не при чём, и сожжение вместо плена — живое тому доказательство, — подтвердила Лянзара, медленно сворачивая свиток. — Люсторан считает, что Аур Серпис вполне способны на такой шаг, и я с ним соглашусь. Они Каражаман, им нельзя верить.

—

Я сейчас же распоряжусь, чтобы ноги их не ступало на земли Зафрита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.